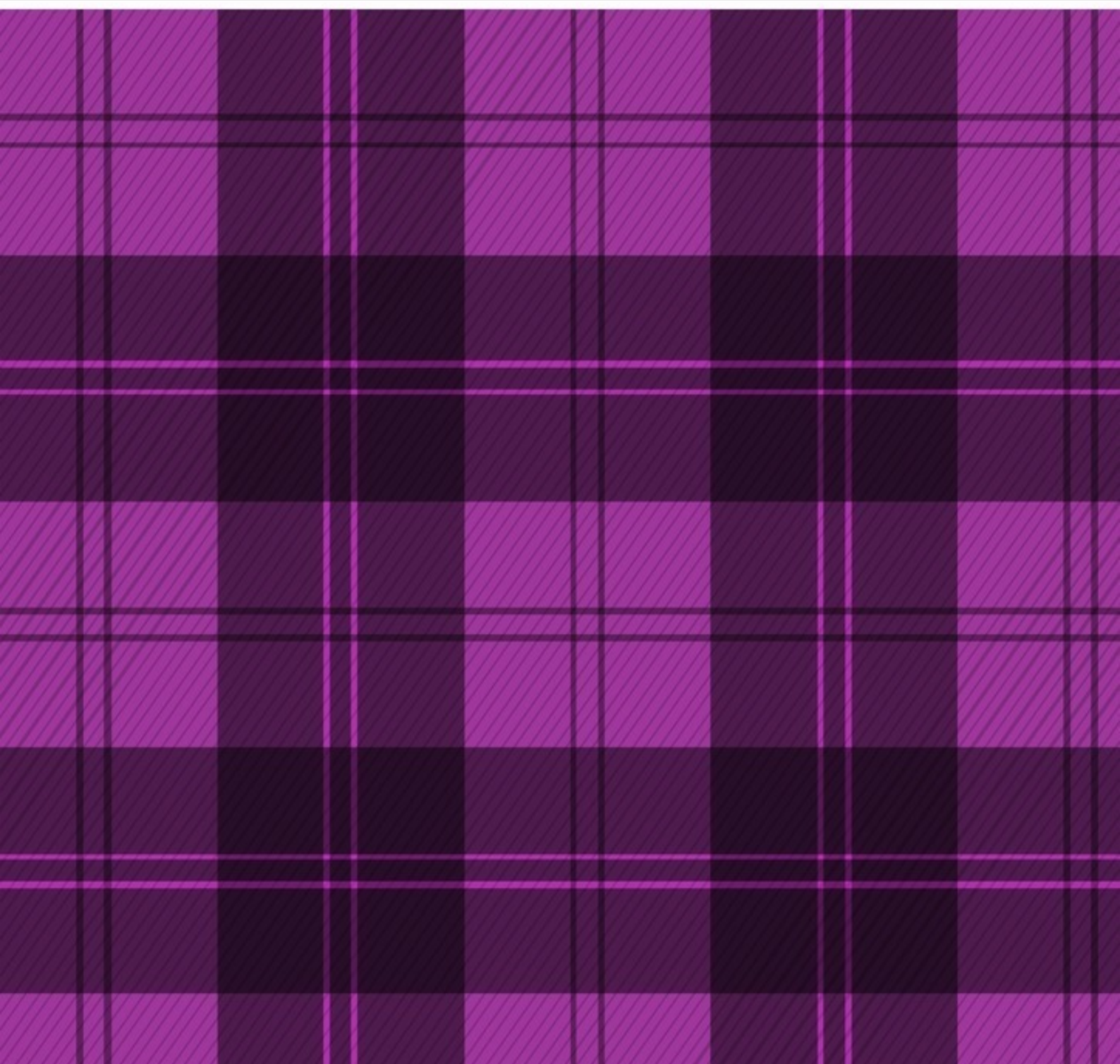

ЕВГЕНИЙ ОВЧИННИКОВ

Скалистый берег

ЕВГЕНИЙ ОВЧИННИКОВ

Скалистый берег

«Издательские решения»

Овчинников Е.

Скалистый берег / Е. Овчинников — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-908130-8

Авторский сборник из десяти рассказов, написанный в стиле лавкрафтовских ужасов на современном языке. Вас ждут десять абсолютно непохожих историй, написанных по всем законам жанра с неповторимыми сюжетом и атмосферой, отдающих дань уважения родоначальникам и мастерам жанра классической мистики и ужасов. Погружаясь в атмосферу книги, Вы забудете об окружающей реальности и если сумеете вернуться обратно, то увидите, как тени неведомого смотрят на нас из глубин прочитанных страниц.

ISBN 978-5-44-908130-8

© Овчинников Е.
© Издательские решения

Содержание

ТЕНЬ НА ЧЕРДАКЕ	6
1	6
2	8
БЛУЖДАЮЩИЙ В ТЕМНОТЕ	12
ВРЕМЯ ИЗ ПЕСКА	21
ГОРА ЧЕЙНИ	27
Глава 1	27
Глава 2	33
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Скалистый берег

Евгений Овчинников

© Евгений Овчинников, 2018

ISBN 978-5-4490-8130-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ТЕНЬ НА ЧЕРДАКЕ

1

Этот дом я купил ранней осенью, в 1930 году. Он был неприметен, стоял в стороне от дороги, а уединенность и спокойствие царили в его окрестностях. Тишину вокруг нарушал лишь вой ветра и звуки дождя, шедшего в этой местности чаще обычного. Джек Краверс – агент по продаже, сразу же решил показать мне этот дом, когда услышал мои пожелания относительно будущей покупки.

Когда мы подъехали на его автомобиле к дому, то первое что я заметил – это сверхъестественную тишину этого места. Ни лай собак, ни голоса людей, ни пересвист птиц – ничто не нарушало её. Лишь изредка легкий ветерок колыхал листья на деревьях, заставляя петь их свою тихую песнь на протяжной, постоянно шелестящей ноте. Сама же постройка, которая располагалась на почти круглой и просторной поляне, выглядела весьма крепко, несмотря на то что дом был построен в начале 1900ых годов. В стороне от дома находился лес, за ним вперемешку раскинулись фермерские угодья. Подъезд к дому был только один – узкая земляная дорога с лицевой стороны дома, именно в конце этого подъезда мистер Краверс и оставил стоять свой автомобиль.

Выйдя из машины я увидел, что дом был выложен из сероватого камня, а в общей архитектуре постройки преобладали строгие готические формы. Поверхность камня была местами покрыта наростами белого грибка, скопления которого складывались в разнообразные замысловатые узоры, напоминающие очертаниями гротескных существ с телами причудливой формы. Мистер Краверс заверил меня что внутри дом был весь обит первоклассным деревом прекрасно сохранившемся до наших дней. И окончив прелюдию на этой ноте, сделав паузу на то время пока он отопрет массивную двухстворчатую входную дверь, мы прошли внутрь.

С удовлетворением я отметил простор гостиной и довольно чистый воздух сохранившийся во всем доме, несмотря на давнее отсутствие людей в помещениях. Осмотрев все на первом этаже я обнаружил довольно много мебели заботливо накрытой чехлами, вероятно оставшейся от предыдущих владельцев. Поднявшись по винтовой лестнице с широкими ступенями на второй этаж, моему взору открылась просторная комната с широким окном готической формы врезанным прямо в противоположенную от лестницы стену. Осмотрев все имеющиеся помещения, я заявил мистера Краверсу что данный дом мне вполне подходит, но нужно будет уточнить у него ещё некоторые детали и хорошенько все обдумать.

На следующее утро сидя в конторе Джека Краверса и обдумывая возможность подписания бумаг на покупку дома, я задавал ему вопросы более всего меня интересовавшие: куда делись бывшие хозяева дома и как долго он пустовал? Мистер Краверс слегка заколебался и ответил, что дом долго не мог найти новых хозяев так как его чрезмерная уединенность и отдаленность от соседей отталкивала клиентов, которым он и его предшественник – мистер Джойс, предлагали дом. Однако контора по продаже недвижимости все же не оставляла надежду на то что кому-то из покупателей все же понадобится приобрести именно такой дом. Волею случая этим покупателем оказался – я.

Что же касалось бывших владельцев дома... Ими оказался семейный клан Кавентонов. Глава семейства – сэр Джеймс Кавентон, был прямым потомком некогда богатого и знатного в этих краях рода. Джеймс Кавентон был по образованию архитектором, и говаривали – весьма незаурядным. Тут мистер Краверс упомянул, что сэр Кавентон лично составил чертежи этого дома и построив его переселился туда вместе со всей своей семьей. Семья Кавентонов прожила в этом доме немногим более 15 лет. Однажды владельцы ближайшей фермы во время

одной из частых вечерних прогулок заметили – в доме перестали зажигать свет, однако зная о некоторой странной тяге своих знакомых к уединению, фермеры не придали этому большого значения.

Холодным декабрьским утром в Воскресенье 1915 года старый почтальон – Стивен Грохэм, подъехал на своей почтовой повозке к дому Кавентонов дабы передать сэру Джеймсу письмо, адресованное ему, но обнаружил что двери дома раскрыты, а хозяева отсутствуют довольно давно судя по занесенной снегом гостиной. Прибывшая по вызову почтальона полиция не обнаружила ни каких следов или зацепок. Расспросы соседей, извозчиков, кондукторов на станции и поиски в окрестных лесах ни к чему не привели – клан Кавентонов будто растворился в воздухе.

Предшественник Краверса, мистер Джойс, славившийся своей предприимчивостью среди агентов недвижимости, сумел спустя пять лет со дня обнаружения пропажи владельцев выкупить дом, надеясь, что его необычный архитектурный стиль позднее принесет выгоду. Мистер Джойс проработал до 1925 года и отошел от дел. За эти пять лет никто так и не купил этот дом. Несколько семейных пар интересовались этим домом у Джека Краверса, назначенного в 1925 году на место мистера Джойса, однако никто из них не изъявил желания к покупке.

2

В 1930 году я стал законным владельцем дома клана Кавентонов, которые загадочным образом исчезли без следа 15 лет назад. Довольно быстро я устроился на новом месте. От старых владельцев осталось приличное количество мебели, сдернув с неё чехлы я отметил что мебель в превосходном состоянии. Пришлось лишь докупить широкий письменный стол на второй этаж и заменить старую двуспальную кровать на широкий диван. Все обустройство заняло у меня лишь несколько дней, и после посещения магазинов в ближайшем городе, окончательной расстановке продуктов по полкам и изучения свежих газетных статей под приятное потрескивание камина, я окончательно решил, что сделал правильный выбор – это уединенное место в пригородной глуши как нельзя лучше подходит моей скрытной и стремящейся к отшельничеству натуре.

За несколько месяцев проживания в доме мое уединение ни разу не нарушалось неожиданными гостями. По-прежнему я зарабатывал себе на жизнь переводами исторических латинских и древнегреческих текстов. Закончив запись очередного перевода, я ехал на своем автомобиле в город и отправлял рукопись в издательство пользуясь услугами местного почтамта. Примерно раз в 10 дней приходилось выбираться в город за пополнением продуктовых запасов. Вечера занимали меня мерным шелестом книг из моей библиотеки, проигрышем грампластинных пластинок из архива и ухаживание за «Жестяной Лиззи» в гараже.

К ноябрю в доме стало заметно прохладнее. С тех пор сидя по вечерам в доме за своим письменным столом я стал замечать некоторые странности. На втором этаже тени в комнате становились отчетливо видны раньше обычного, начиналось это примерно в то время, когда Солнце ещё только готовится к заходу. Поначалу ничего подозрительного я об этом не думал, несмотря на то что тени второго этажа выглядели гораздо более тёмными и густыми чем в других помещениях дома.

В один из вечеров ноября, в полнолуние, я лежал на своем диване и слушая песню зимнего ветра за окном рассматривая противоположенную стену, левую от входа в комнату. В ярком свечении зимней Луны в самом дальнем конце стены мною был замечен некий блестящий объект, приковывающий к себе внимание. Встав и подойдя к источнику белизны, я внимательно изучил этот участок стены и обнаружил миниатюрную спрятанную в стене щеколду, сделанную по-видимому из серебра. Осторожно потянув на себя щеколду и приведя в действие какой-то пружинный механизм в стене рядом с собой, я открыл небольшую дверь. Взяв керосиновую лампу и осветив новообразовавшийся проход мне представилось что эта невысокая потайная дверь, по-видимому, ведет на чердак. Пройдя внутрь и поднявшись по четырем широким и высоким деревянным ступеням, я оказался внутри просторной комнаты. Осветив все углы и осмотрев помещение, внутри не обнаружилось ничего, что могло бы остаться от старых хозяев дома. Мне так же показалось странным что в углах чердака нет ни каких следов паутины или вообще какой-нибудь живности появлявшейся обычно в подолгу пустующих помещениях. Решив осмотреть свою находку днем я покинул чердак, плотно закрыл за собой дверь и потушив лампу лег на диван раздумывая о своей находке до тех пор пока сон не околдовал меня.

Проснувшись ярким морозным утром и позавтракав, снова осмотрел стену второго этажа. Как же раньше мною не была замечена блестящая щеколда в стене? Открыв дверь и поднявшись по ступеням, я вновь оказался на чердаке. Здесь было почти так же темно, как и ночью накануне, ни единой сквозной щели выходящей на улицу не было, и чиркнув каминной спичкой я зажег керосиновую лампу предусмотрительно захваченную с собой. Более тщательное обследование вновь подтвердило отсутствие следов каких-либо насекомых или грызунов. Странно, размышляя я тогда: просторное тихое место представилось мне весьма привлека-

тельным жильем для всякой фауны или даже флоры; а бывшие хозяева дома исчезнувшие внезапно, неужели они ничего не хранили в просторном и похоже сухом чердаке? Осветив все четыре стены, я удостоверился в сухости плотности и целостности всех наглухо подогнанных друг к другу досок, несмотря на их изрядный возраст. Самой широкой частью чердака оказалась стена противоположенная входному проему. По моими прикидкам эта стена как раз выходила на сторону леса. Покинув чердак и затушив лампу мне подумалось что сюда стоит перенести часть моих книг которые редко используются и с трудом помещаются на стеллаже, стоящем на первом этаже дома.

В течении всего следующего дня я небольшими стопками переносил отобранные книги наверх. Их накопилось приличное количество и последняя дюжина перекочевала на новое место в половине восьмого вечера. Уже собираясь покинуть чердак и поднимая с пола керосиновую лампу меня посетило неожиданное открытие: в лучах света исходящих от керосиновой лампы не было и намеков на мою собственную тень. Краски странности сгустил так же факт отсутствия теней на стенах от высоких книжных стопок. Должен тут отметить – будучи несуетливым человеком я всё же почувствовал неприятный холодок зарождающийся внутри меня. Списав увиденное на слабое подергивающееся освещение керосиновой лампы и физическую усталость от многочасовой работы, я поспешил на первый этаж к обеденному столу. Поужинав, я твердо решил завтра же купить в универмаге появившееся там недавно переносные электрические фонари на батареях.

Той ночью мне снился загадочный, пугающий сон. Я видел будто стою на просторном поле. Проблески молний рассекали кругом невиданной черноты небо, трава, неестественно серая колышется на ветру, а густота вдыхаемого воздуха позволяет прочувствовать границы собственных легких. С разных сторон доносились то женские то мужские голоса, о чем-то шепча мне, пытаясь что-то передать. Однако, я не мог разобрать ни слова.

Всю ту ночь я ворочался на своем диване слушая в полудреме таинственные голоса, наблюдая один и тот же пейзаж похожий на испорченный негатив. Под утро остатки странного сна стали развеиваться... как будто кто-то направил луч света на черное небо и серую траву из моего потустороннего сновидения...

Утром заведясь с первого раза и издавая мерный рокот «Жестяная Лиззи» доставила меня до города. В нем посетив бакалею я закупил необходимое мне продовольствие. Зайдя перед отъездом в универмаг мне посчастливилось стать обладателем самого мощного фонаря на прилавке, второго комплекта батарей и перезаряжающего батареи устройства.

Час неспешной езды по пустынному шоссе и мой автомобиль вернул меня домой. После переноса продуктов немедленно принялся за ланч. За едой мне вспомнилось мое ночное сновидение. Днем оно казалось вызывающе противоестественным, и присниться же всякое! Однако сознание мое немного повело, стоило мне вспомнить странные голоса. В голосах отчетливо слышались нотки отчаянья, просьбы о... помощи? Я поежился как мне надеялось от зимнего холода. Закончив ланч приступил к изучению лежавшего на столе фонаря. Щелкнув переключателем, я убедился, что стал обладателем действительно мощного экземпляра; инструкция к изделию, батареям и ручному зарядному устройству уверили меня в том, что теперь даже на моем темном объемистом чердаке можно будет читать книги.

Поднявшись на второй этаж и отворив потайной щеколдой дверь чердака, я направил луч фонаря на массивные ступени лежащие передо мной. Сейчас под пронизывающим лучом отчетливо поблескивала их гладкая деревянная поверхность. Поднявшись по ним и направляя свет фонаря на противоположенную стену вдоль которой я складировал книги вчера, мне тут же передалось ощущение будто сердце уходит куда-то в пятки от увиденной картины. Заполненный накануне чердак показался абсолютно пустым. Вместо пятна света от фонаря на противоположенной стене надвигаясь на меня зияло огромное черное пространство, походившее на растянутую ткань из абсолютной темноты, пульсирующую словно пламя колдов-

ского огня. Стопки книг были буквально поглощены иноземным живым существом. С ужасом развернувшись я побежал сломя голову, помчался прочь с чердака, забыв о ступенях под собой. Оступившись, падая и с грохотом ударяясь об пол я тут же потерял сознание.

Не знаю сколько времени я пролежал не в силах подняться. Помню, приоткрыв глаза, первое что увидел: осколки толстого стекла вокруг ножек моего письменного стола. Похоже при падении разбился недавно купленный фонарь... Поднимаясь с пола я подобрал корпус фонаря и уставился на разбитый, торчащий остов небольшой лампочки глядящий на меня из-под кусочков круглой линзы. Оглянувшись назад мне раскрыл свое нутро проход, ведущий на чердак и решив не искушать судьбу я привел пружинный механизм в действие вдавив серебряную щеколду и захлопнув тем самым злополучный чердак, затем немедленно поспешил прочь от таинственного места на первый этаж.

Надевая пальто я собирался покинуть этот странный дом заночевав в своей машине где-нибудь на подъездной дороге, а по утру намеревался явиться в контору Краверса, попытаться выставить на продажу это место с таинственным чердаком походившим больше на портал в неизвестное Ничто.

Подойдя к парадной двери и навалившись на обе её створки я с удивлением обнаружил что дверь не поддается. Ударяя в створки плечом мне лишь удалось набить себе синяков несмотря на плотное пальто. Бросил это бесполезное занятие. Взяв с кухни прихваченный со второго этажа разбитый увесистый фонарь ещё не понимая что делаю вернулся в гостиную и размахнувшись со всей силы метнул поверженный остов прямо в широкое оконное стекло. Фонарь с грохотом отскочил от окна не оставив на нем и царапины. Когда шум от падения утих я ощутил пришедшее ко мне осознание факта паранормальной замкнутости в таинственном доме, полностью отрезанном от внешнего мира. Даже звуки ветра не проникают больше в это жилище.

Придя в отчаянье я начал разбрасывать все вещи попадающиеся мне под руку, швыряя даже обувь в ставшее вдруг неожиданно твердым как камень стекло. Добравшись до столовой и пытаясь выбить стулом окно я в конце концов довел себя до состояния полного бессилия и сел на пол выронив стул из ослабевших разом пальцев.

Спустя какое-то время, как мне показалось несколько десятков минут, я вспомнил о карманных часах лежавших во внутреннем кармане пальто, которое по прежнему было на мне. Взглянув на циферблат я выяснил что с момента похода на чердак с фонарем прошло около шестнадцати часов. Рассвет за окном так и не наступил, снаружи за окнами все было затянуто непроницаемой черной пленкой.

Поглядывая время от времени на второй этаж заметил, что зловещее черное пятно с чердака разрастается и сейчас лестница ведущая на второй этаж постепенно превращается в сплошное черное месиво. Открывая дверь в комнату находящуюся под вторым этажом будто бы открываешь дверь в никуда – за дверным проемом простирается все то же темное пятно колышущееся будто пламя свечи. С этого момента я осознал, что пятно пришедшее с чердачной стены со стороны леса стремится всей своей противоестественностью поглотить меня, забрать с собой в бескрайнее тёмное измерение откуда оно несомненно пришло в наш мир. Теперь известен ответ на страшную загадку о том куда же делось семейство Кавентонов, бывших обитателей этого дома. Их поглотило таинственное нечто пришедшее к нам из параллельных миров и втянуло в какое-то иное место. Теперь оно пришло за мной. Когда-нибудь кто-то всё же посетит мое жилище и вновь обнаружит таинственную пропажу владельца, когда-нибудь мистер Краверс или его преемник вновь кому-то продаст этот дом.

Я знаю, этот дом некогда не коснется губительная сила времени, ведь этот дом существует вне времени меняя свои формы и ничто не властно над ним в нашем измерении. Кем же на самом деле был последний глава клана Кавентонов – сер Джеймс, построивший этот дом? Или нечто привлеченное нашим физическим пространством само пришло сюда из неведомого

мира, глотая по пути чужие тени и желая когда-нибудь поглотить большую часть нашего мира, перетащив его в свое тёмное измерение бесцветного мрака? Может быть это нечто пришло из лесов древних владений Кавентонов... но от чего же тогда их клан охранял эти места?

Сейчас я дописываю эти строки в столовой, это самое отдаленное место от зловещего чердака. Я отчетливо вижу вдалеке края колыхающейся тьмы, она сочится из-под порога словно свечной воск. Что же, после того как отсутствие Кавентонов обнаружилось вся их мебель и вещи остались на своих местах, видимо, они не паниковали, не разбрасывали вещи в доме, когда осознавали, что их поджидает ползущее по дому нечто. Быть может увидев раскиданные в прихожей вещи, полиция решит будто меня похитили, однако эти записи должны рассказать им о произошедшем! Если конечно мистер Джойс, предшественник мистера Краверса что-то не скрыл. Быть может Краверс что-то скрывал и от меня... скроет ли он мои записи от полиции если найдет их? (Полиция... если она с ним? Или с ними...) Нет времени размышлять об этом. Мне остается лишь надеяться, что читающий это сейчас, к какой бы эпохе он не принадлежал, не сочтет эту рукопись записками сумасшедшего человека, решившего в один зимний день сбежать из дома и сгинуть бесследно в местных лесах.

При переезде в новый дом я купил пистолет. Оно, нечто – уже совсем близко. Я отхожу подальше к окну затянутому непроницаемой черной пленкой снаружи (существует ли ещё привычный мне мир за окном или клокочущая тьма есть и там?). Я оставлю свои записи в одном из ящиков буфета, больше всего я надеюсь, что их обнаружит следующий владелец дома в первые же дни заселения в это место наполненное сверхъестественным искусно скрывающимся под маской обыденности. Мне уже пора уходить, отступать через единственную дверь в стене дома, ведущую в гараж. Сяду в старушку «Жестяную Лиззи». Я останусь там до тех пор пока тьма не поглотит меня, забрав с собой в свой темный, лишенный красок и света мир.

БЛУЖДАЮЩИЙ В ТЕМНОТЕ

Мне всегда нравилось естественное спокойствие и приглушенные переливы света царившие в этом лесу, его чарующий голос состоявший из пересвиста птиц, шороха насекомых и потрескивания коры старых деревьев. Я привык к одиночным лесным прогулкам ещё с детских лет и со временем они стали настолько мне привычны, что почти каждый день я старался попасть на тихие лесные тропы и пройтись по ним придавшись свободному течению своих мыслей. Блуждание среди возвышавшихся деревьев, их шорохи и звуки живой природы – всё это успокаивало меня, прибавляло во мне сил и навевало покой и уединенность в душе. Пожалуй, мне нравилось чувство отчужденности от общества, появлявшееся у меня с того момента как я углублялся в лесную чащу и за моей спиной строился непроницаемый заслон из густых деревьев.

За несколько лет частых дневных и ночных прогулок я обошел почти всю территорию этого леса и зная каждую тайную тропинку, легко определял где пролегает кротчайший путь домой. Этот лес располагался недалеко от небольшого городка, в котором я проживал с детства прибыв сюда с родителями. Мой дом был самым первым при въезде в город и стоял ближе всех к краю леса – могучие деревья высились стеной в сотне метров от человеческого жилища. Восточная сторона лесного массива на всём своем протяжении соседствовала с мощеной дорогой, по краям её росли густые кустарники и часто встречались невысокие деревца. Это была единственная дорога, по которой можно было попасть в наш город. По ней обычно ездили запряженные повозки местных жителей и только начавшие появляется в продаже легковые автомобили. Население здесь в основном промышляло фермерством или работало в местных контрах и на угольной шахте. В последнее время однако по дороге стали все чаще и чаще проносятся автомобили с заезжими туристами, они обычно останавливались на несколько дней что бы отдохнуть от дороги, полюбоваться местными красотами и затем продолжить свой путь дальше.

В нашем небольшом городке, где я проживаю и по сию пору, меня всегда считали непревзойденным знатоком местного леса. Часто приезжие терялись в окрестных землях отправившись в чащу на прогулку, и меня всегда звали полицейские помогать им в поисках. Как правило гостей манили в лес слухи о прекрасной на вид реке, протекающей по западной части леса – большой, глубокой и чистой. Местные мужчины по выходным дням ловили там рыбу, водившуюся в изобилии, да и туристы часто арендовали снасти на несколько дней.

Благодаря поиску людей, со временем я овладел настоящим искусством следопыта. Городской шериф выступая перед жителями раз в месяц на общественном собрании в церкви, частенько звал меня на должность лесничего, но я все время отказывался – меня вполне устраивала работа в книгохранилище нашей небольшой городской библиотеки. Помимо того должность лесничего тогда занимал Чейс Скипмен, заступивший на пост в 1900 году, проработав несколько десятков лет на этом месте и продолжавшим делать свое дело несмотря на пенсию. Он хорошо знал свое дело, и все ещё был в неплохой форме несмотря на почтенные года и небольшую хромоту при ходьбе. Встречая его в лесу во время своих пеших прогулок, я иногда заговаривал с ним шагая по лесным тропинкам и с годами мы сдружились. Разговаривая на разные темы, выяснилось, что Чейс человек весьма грамотный, он любил читать и знал толк в литературе. Порой я удивлялся познаниям мистера Скипмена, его знанию разнообразных наук – они были весьма обширны, что выдавало в нем выпускника одного из престижных университетов. Иногда мне казалось, что вместо должности лесничего место Чейса – в одной из префектурных контор нашего города.

Однако, натура Чейса Скипмена не была склонна к скучной и однообразной работе в конторе. Он всегда любил присущее лесу естественное спокойствие. Душой он стремился прово-

доть на природе как можно больше времени, отчасти он был отшельником, даже в местном баре он отсаживался в самый дальний угол затянутой приятной успокаивающей полутьмой. Вероятно, можно сказать что я был его единственным близким другом, ему казалось, будто у нас родственные души и общая потребность уединяться со своими мыслями шагая по лесным тропам и обдумывая что-нибудь. Иногда случалось я замечал Чейса, стоящего неподвижно и вглядывающегося в чащу леса своими зоркими зелеными глазами. Эту привычку я заметил за ним ещё толком не зная его, просто видел, как он стоял неподвижно на какой-нибудь из очень далеких и путанных лесных тропинок. Мне всегда казалось, что Чейс Скипмен что-то ищет в лесу. Даже сидя по вечерам на заднем дворе своего жилища и выкуривая старую табачную трубку, он неизменно устремлял ищущий взгляд в сторону лесной чащи. Одному Богу было известно за чем действительно Чейс наблюдает в этом лесу. Из-за его странной привычки, и манеры поведения в которой всегда присутствовала доля отчужденности от реальных событий, за мистером Скипменом закрепилось положение чудаковатого сварливого старика, которому одинокая работа лесничего подходил как нельзя кстати, тем более что справлялся он с ней превосходно. Что касается семьи, то у Чейса была жена и сын. Несколько лет назад сын Скипмена старшего – Эдвард Скипмен, в возрасте двадцати восьми лет покинул наш небольшой городок и устроился работать банковским клерком в крупном городе в шестнадцати милях от нас. Раз в полгода он обычно приезжал повидаться с Чейсом и его женой – Аннет. Семейство Скипменов проживало через три дома от меня, на противоположенной стороне городской улицы.

Наш городок довольно тихий. Обычно в дневное время улицы находились в некотором временном запустении, исключение составляли лишь праздничные и выходные дни, а вечером все обитали либо в нескольких местных барах, либо в своих домах. Местные жители в основном работали на фермах, за старой городской чертой. Молодёжь по большей части перебрались жить в крупные города, но кое-кто все же остался и работал в муниципалитете, отделении полиции, в паре шахтерских контор и бакалейном магазине. Наш город пополнял значительную часть своего дохода за счет своего древнего промысла – добычи угля в местных шахтах. Хотя, с массовым появлением моторной техники свою часть дохода приносили и туристы, любившие в сезоны посещать подобные городки – из-за их уединённости, которая жителям мегаполисов казалось диковинкой.

Иногда в городе появлялись новые жители, обычно приехавшие издалека. Разные причины толкали их на прибытие сюда, но большинство называло тишину и спокойствие этого места, возможность вести свое хозяйство и вполне достойно при этом существовать.

Сам я, как и упоминалось выше, работал в местной библиотеке. Она располагалась в небольшом двухэтажном каменном здании и была доверху забита самой разнообразной литературой, архивами полиции, пожарных и документами муниципалитета. Часть рабочего времени, когда в читальном зале отсутствовали и без того редкие посетители, я проводил время изучая пыльные увесистые тома, из отдельной библиотечной секции на втором этаже. Пожалуй, в своем повествовании мне стоит упомянуть что по большей части эти книги были посвящены оккультным знаниям. Как мне удалось узнать, копаясь в архивах – эти книги были завезены сюда неким таинственным лицом, индусом по происхождению поселившимся в городе задолго до моего рождения. Находясь в преклонном возрасте владелец книг завещал весь свой архив вновь построенной городской библиотеке. После его смерти тома были перенесены в закрытое библиотечное хранилище на втором этаже – содержание текстов слишком пугало и данное пожертвование не было предано огласке. Книги отложили не зная что с ними делать и потом предпочитали о них не вспоминать. Признаюсь, я был очень удивлен, обнаружив в один из вечеров перед самым закрытием библиотеки незнакомые мне тома с подернутыми пылью пугающими корешками. Будучи по натуре своей исследователем, я начал ознакомление с текстами, но понимая специфичность их содержания не кому не сказал о своей находке.

Однажды осенью прогуливаясь после рабочего дня я повстречал Чейса на одной из лесных троп, в центральной части леса, недалеко от огромного древнего дуба массивные корни которого торчали из-под земли. У Чейса в тот день было явно хорошее настроение, вероятно перед прогулкой он пропустил пару согревающих кружек в баре и был очень дружелюбно настроен. Пройдясь по тропинке, я предложил ему фляжку с горячим глинтвейном, которую всегда укладывал во внутренний карман пальто при холодной погоде. С благодарностью кивнув Чейс сделал пару глотков и вернул мне полу пустую фляжку. Мы сразу же завели разговор, состоявший в основном из местных сплетен и через десять минут я заметил, что Чейс начал заговариваться и клевать носом. Решив, что с него наверное хватит прогулок на сегодня, я свернул на ближайшей развилке в сторону городской черты. Спустя полчаса ходьбы Чейз признался, что он подустал, его хромяя нога разболелась и неплохо было бы устроить привал на пнях виднеющихся неподалеку, прежде чем мы достигнем городской черты. Я ответил что так же устал и с готовностью согласился. Мы распили остатки глинтвейна и меня охватило беспокойство – как бы старик не уснул, ведь тогда домой к миссис Скипмен мне придется доставлять его на себе. К моему облегчению Чейс поехал на осеннем ветерке и заметно оживился, начав делать предположения что зима придет раньше в этом году и принесет с собой более сильные морозы чем обычно. За разговором мы заворуженно наблюдали как садится осеннее солнце: за верхушками деревьев, окруженных багряным свечением, проступали блеклые очертания жёлто-красного диска, на ветвях ещё держались немногочисленные листья готовясь сорваться от малейшего дуновения пронизывающего ветерка, лесное эхо доносило до ушей пронзительное карканье старых воронов из самой сердцевины леса.

Пробурчав что-то себе под нос Чейс стал бережно ощупывать свою больную ногу, жалуясь, что та опять начинает болеть от чрезмерной ходьбы по лесу и прохлады. На тот момент мне было лишь известно, что ногу он как-то повредил во время одной из лесных прогулок будучи молодым и не состоящим ещё в должности лесничего. И тогда, во время нашего привала я попросил рассказать его о случившемся. Неожиданно старик насторожился, слегка поехал и начал что-то выискивать лихорадочным взглядом, будто пытаясь кого-то высмотреть в зарослях кустарника высившегося за моей спиной.

Прошло несколько минут. Неожиданно притихший Чейс начал говорить. Поначалу неохотно, делая заметные паузы между словами, затем более торопливо, однако не упуская деталей. Тогда Чейс поведал мне удивительную историю, которую я привожу здесь в точности.

Он сказал, что повредил ногу лет за десять до того как поступил на должность лесничего. Будучи молодым человеком он так же как и я любил подолгу гулять по здешнему лесу, совершать пешие прогулки и кататься верхом по всей территории. В те времена вернувшись из университета в город, Чейс Скипмен предпочел заработать на запланированную женитьбу работой в шахте, залежи угля в которой располагались на небольшой глубине, что увеличивало скорость добычи, приносило прибыль городу и позволяло щедро оплачивать труд рабочих. Возвращаясь домой около четырех часов дня и перекусив, Чейс как правило отправлялся гулять в лес или поехать верхом. По выходным управившись с домашними делами Чейс обычно уходил далеко, полюбоваться видами местного озера в центре леса один или со своей невестой – Аннет. Однажды, во время одиночной субботней прогулки к озеру, Чейс Скипмен решил уйти дальше, за западную часть озера в сторону самой древней части леса. Старожилы пересказывали слова своих предков работавших на первых угольных шахтах в этих местах, что именно там, в нынешней западной части леса, начали зарождаться первые деревья и кустарники. Гуляя по чаще западного леса, Чейс набрел на небольшую поляну, поросшую невысокой травой и окруженную со всех сторон высокими сухими деревьями и редким колючим кустарником. Чейс намеривался немного передохнуть на поляне, однако дойдя до её середины он почувствовал, как земля под ногами начинает оседать. Ощущение падения и нахлынувший испуг заставили его вскрикнуть. Тело с силой ударилось о дно непонятной ямы. Придя в себя,

он увидел наверху пятно света, метрах в шести-семи над головой. При падении Чейс здорово ушиб ногу, но как выяснилось при тщательном осмотре это был просто сильный ушиб, нога побаливала, мышцы растянулись но слава Богу это был не перелом, иначе положение в котором оказался Чейс было бы поистине ужасным. Поднявшись и осмотревшись кругом стало ясно что до верха не добраться – слишком высоко, стены из твердого шершавого камня, зацепится было абсолютно не за что. В дальней части ловушки в которую угодил Чейс, был виден проход в человеческий рост зияющий в струившихся сверху лучах света.

Постояв у тёмного прохода Чейс начал делать осторожные шаги вперед и стал ждать, пока его глаза привыкнут к воцарившемуся мраку. Прodelав вперед около тридцати осторожных шагов, он почувствовал, как воздух пропитывается сыростью, а по пещере загулял сквозняк. Впереди забрезжило слабое фосфоресцирующее свечение. Продвинувшись дальше Чейс очутился в небольшой пещере округлой формы, её очертания размерами напоминали пещеру в которую он недавно провалился. Но здесь поверхность была чем-то испачкана, чем-то что имело едва светящийся зеленоватый оттенок. Потолок был покрыт сталактитами от которых исходил тот же таинственный свет. В стене впереди было по меньшей мере три прохода ведущих в неизведанную тьму. Из всех зияющих дыр дул легкий пронизывающий ветерок шевеливший волосы на голове.

Тут старик прервал свой рассказ и слегка поежился. Он посмотрел на меня пронизывающим взглядом своих зеленых глаз, который я прежде за ним некогда не замечал. Зная Чейса Скипмена на тот момент уже довольно длительное время, я понял, что о том что произошло с ним дальше он не рассказывал ещё никому, быть может только своей жене и сыну. Он медленно продолжал свой рассказ.

Бродя по ответвлениям пещеры Чейс время от времени наткнулся на новые и новые проходы ища выход из этого зловещего лабиринта с царившими в нем сыростью и призрачно светящимся мраком. Глаза привыкли к inferнально светящейся полутьме, он уверенно делал шаги стараясь запомнить направление движения и оглядываясь по сторонам. Чейс на каждом разветвлении поворачивал налево, по его мнению, проходы этого безумного лабиринта, должны были рано или поздно вывести его к лесному озеру через нескольких миль от того места где он провалился в злосчастную пещеру. В воздухе чувствовалась свежесть, что наводило на размышления о наличии где-то в каменном лабиринте выхода, ведущего на свободу. Проходя все дальше и дальше вглубь, пещера казалась каким-то муравейником невообразимых габаритов. Длинные коридоры заканчивались небольшой сетью маленьких ответвлений, неизменно расположенных в круговом порядке, а все проходы заросли сталактитами, светящимися зеленым ярче чем гладкие стены.

Делая небольшие передышки, Чейсу приходило на ум что пещера была скорее искусственного происхождения, стены слишком гладкие, а проходы прямые, ощущалась система расположения проходов. Успокоив мысли Чейс предположил, что здесь, до того, как на поверхности вырос густой лес, была одна из пробных шахт, где старатели пытались найти руду. Возможно, это даже дело рук контрабандистов, и было так давно что не каких упоминаний об этом не сохранилось, может быть к этому приложили руку пираты или даже рабовладельцы. К образу искусственной пещеры не как не вязался образ древних сталактитов светящихся зеленым, но за долгое время от природных химических процессов могли произойти самые невероятные трансформации.

Очередные проходы под гроздь сталактитов засветились зеленеющей тьмой, на этот раз в количестве восьми ответвлений. Чейс медленно зашагал по кругу заглядывая в проходы и прислушиваясь. Он не был уверен, но казалось из самого левого прохода доносился звук. Слабое журчание воды где-то вдалеке. Может быть это наконец-то шум воды местного озера, его поверхностных подземных вод, наверняка где-то впереди была долгожданная поверхность, заканчивающаяся каким-нибудь гротом, вход в который надежно загоразживали высокая трава

и старые деревья. Приободрившись Чейс пошел по выбранному проходу. В глубине тоннеля уверенности прибавилось – шум воды нарастал, а не становился насмешкой отчаянья над обострившимся слухом. В воздухе начала чувствоваться свежесть и легкость свойственная местному лесному воздуху.

Наконец-то, Чейс увидел впереди конец прохода, падающий откуда-то сверху свет явно указывал на соприкосновение с поверхностью. Пройдя границу света Чейс очутился в новой пещере. Стены четырехметровой высоты, форма правильного квадрата, поверхность гладкая из мягкой желтоватой породы камня похожего на известняк явно была обработана инструментами – все указывало на искусственное происхождение этого места. Верх странной квадратной пещеры растрескался и сверху били лучи солнечного света. Из трещин свисали корни какого-то могучего дерева, росшего на поверхности. Поразмыслив, Чейс предположил, что пещера в которой он сейчас находится должна представлять из себя холм, возвышающийся на самом дальнем берегу озера. Возможно источник воды в озере – подземные воды из этих старых шахт. Будто бы в подтверждении своих мыслей Чейс уловил шум струящейся рядом воды. Прислушиваясь и крутя головой Чейс заметил на полу, по самому центру площади, небольшое округлое образование, выступающее кверху от гладкого пола на несколько сантиметров. Возвышение было около метра в диаметре и напоминало люк. Опустившись на колени и начав расчищать поверхность от пыли, песка и мелких пожелтевших травинков, Чейс увидел нечто что заставило его остановиться. Странный орнамент на предполагаемом люке походил на причудливые письмена. Расчистив всю площадь – Чейс задрожал от ужаса. Его взору открылось изображение существа, окруженное непонятным орнаментом из изотерических символов. Буквы и вероятно цифры давно забытого языка, ужасающей четкости рисунок, не относящийся не к одной из известных Чейсу школе искусств и очертания существа, столь жуткого что не один разум не в силах вообразить такое.

Противоестественность существа, запечатленного на рисунке, проявлялась во всем: непропорциональное тело чудовища походило на соединенные друг с другом бесформенные мешки из которых выходили четыре длинных уродливых отростка оканчивающихся множественными клешнями. Ноги отсутствовали – вместо них был длинный и толстый хрящ немислимо изогнутый, раздутый и практически равный по длине телу чудовища. На месте где должна была быть голова угадывались только лишь её очертания, к счастью для пошатнувшегося сознания Чейза рисунок в этом месте был сильно затерт и расколот сетью крупных трещин, нанесенных временем. Неведомый орнамент в плетении которого входили сложные геометрические фигуры четко очерчивал границы этого диковинного круга. Преодолевая отвращение к распростертой на полу каменной крышке, Чейс склонил к ней голову на бок и прислушался: четкий шум льющейся воды – теперь он не сомневался, что таинственная крышка почти наверняка представляет собой люк, и за ним лежит доступ к источнику соединяющийся с водами озера. Нашупав края этой крышки, Чейс попытался сдвинуть её, и к его удивлению крышка поддалась довольно легко и быстро соскользнула в сторону. Внизу открылось углубление переходящее в колодец идеальной круглой формы. На глубине пяти – семи метров поблескивала быстро текущая вода. Почти с уверенностью можно было сказать, что это была та же вода что и в местном озере – Чейс чувствовал это по запаху и движение в одном направлении подтверждало теорию о подземных водах из лежащей позади системы тоннелей которые миновал Чейс.

Таинственный колодец – это был долгожданный путь на свободу, пусть и не самый приятный. Диаметр был подходящим что бы человек смог пролезть внутрь, неясна была глубина, на которую придется нырнуть что бы проплыть вместе с потоками воды и существовал риск что там, где водный поток выплескивается в озеро будет недостаточно место для того что бы смог протиснуться человек. Чейс был отменным пловцом и размышлял над возможностью погрузиться в чрево колодца, обведя углы пещеры взглядом, он взял бесформенный камень размером с кулак и подойдя к колодцу бросил находку вниз. Раздался приглушенный всплеск, в водах

внизу, на небольшой глубине мелькнула серебристая речная рыба. Это был обнадеживающий знак, нужно был лишь решиться опуститься вниз.

В пещере стало заметно темнее. Солнце готовилось к своему закату. По прикидкам Чейса он провел в этом жутковатом лабиринте не как не меньше трех часов после того как пришел в себя. Большая удача была в том, что удалось отыскать этот путь, ведь неизвестно к чему вели другие туннели, сияющие зеленою неизвестных отложений.

Рисунок на круглой плите колодца поначалу испугал Чейса, но теперь он полагал, что это всего лишь качественная мазня кого-то кто пользовался этими туннелями раньше, как знать, может это одно из тех существ в которые верят индейцы обитавшие тут когда-то, а этот рисунок лишь переняли какие-нибудь бывалые контрабандисты. Чем темнее становилось, тем быстрее бегали мысли в голове Чейса, порождая все новые и новые догадки, иногда омрачающие реальность, иногда приободрявшие разум рациональным объяснением – но все это лишь оттягивало момент принятия решения о прыжке в воды колодца. Возможно этот колодец или труба – один из немногих выходов из этого лабиринта, и то что посчастливилось найти его в темноте, не повредить себе конечности и не свалиться в темную мглу обрыва – уже большая удача.

Размышляя так, Чейс начал улавливать в сгустившемся воздухе какое-то отвратительное зловоние, напоминавшие о разложении каких-то речных организмов. Кажется, пахнуть начало из единственного прохода в эту квадратную пещеру – тому по которому сюда пришел Чейс. Обойдя колодец и приблизившись к проходу отливавшему зеленоватым свечением стен, Чейс увидел вдалеке два желтых пятна, тусклые огоньки на одном уровне, примерно на высоте человеческого роста. Они казались знакомыми, Чейс был уверен, что это обыкновенные масляные фонари, используемые повсеместно в то время. Должно быть эта пещера и тоннели – действительно часть каких-то старых шахт, возможно её сейчас осматривали старатели в поисках остатков угля или неосвоенных ещё жил. Чейс крикнул. Громкое эхо прокатилось по проходу. Два огня замерли на мгновение и начали раскачиваясь двигаться в сторону кричавшего.

Неподдельный ужас перекошил лицо Чейса Скипмена в то мгновение. Таинственный желтоватые огни приблизились и можно было разглядеть кто за ними скрывается: гротескное существо словно сошедшее с нанесенного на напольном люке изображения. Оно уставилось на человека выпуклыми глазами овальной формы из глубин которых сиял желтый свет. Существо стояло на толстом покрытом слизью хряще, похожим на гигантского дождевого червя. Четыре отростка, произрастали из деформированного туловища покрытого роговыми наростами, они извивались, соскребая каменную крошку со стен. На концах отростков щёлкали несколько небольших клешней с заостренными когтями по бокам. Голова существа была сильно вытянута, имела продолговатую форму и была словно залита черной пульсирующей слизью. Лишь глаза выделялись желтым огнем и округлый рот постоянно чавкал словно резиновый шланг выпуская нечто похожее на присоски на щупальцах осьминога.

Существо посмотрело на Чейса двумя желтыми глазами без зрачков и начало издавать невнятное мычанье перешедшее в горловой рык. Чейс увидел на миг приоткрывшиеся красные жаберы в нижней части головы. Раздался пронзительный человеческий крик заставивший существо отпрянуть. Чейс так же отпрянул назад и споткнулся о лежащую в стороне от таинственного колодца крышку люка. Чудовище рассекло воздух одним из своих верхних отростков, и острая боль пронзила ногу Чейза перевернув его тело в воздухе. Судорожно перебирая руками и отползая на спине от чудовища, человеческий мозг охватило ощущение падения в таинственную неизвестность. Летя спиной вниз Чейз разглядел яркие вспышки желтых глаз и шевелящуюся черную пасть. Зловоние рассеялось после того как тело с шумом врезалось в водную гладь, а холод реки окутал все члены до последней косточки.

Широко раскрыв глаза в чистой проточной воде Чейс отдался на волю сильного течения. Когда легкие уже начало распирать, впереди показался слабый свет. Сквозь силуэты вод-

ной глади виднелась пелена вечернего неба в окружении скальных пород. Сила течения буквально вонзила Чейса между этими скалами. Истонченная водой каменная преграда лопнула от напора и пошла ко дну. Ключья одежды со струйками крови обволакивали изрезанное тело. В полуобморочном состоянии Чейс греб руками, а шею уже сдавливал стальной кулак, вода во всю заливалась рот. Внезапное дуновение ледяного вечернего ветра прикоснулось к волосам на голове. Преодолевая боль в ноге и блуждающее сознание Чейс из последних сил вскинул голову – ветер над знакомым лесным озером вдул в легкие живительный кислород, а спасительный берег был всего лишь в паре метров впереди.

Чейс выкарабкался на берег и перевернулся на спину. Боль казалось пульсировала во всем теле, а средоточие её заселилось в рассечённой до середины кости ноге. В немногим более сотни метров от берега виднелись высокие холмы на берегу озера. На вершине крайнего холма высилось древнее расщепленное грозой живое дерево. Где-то под ним уже ночной ветер разносил по воздуху рык неведомого существа с желтыми глазами овальной формы без зрачков...

В ту ночь Чейсу Скипмену удалось отползти от берега на несколько сотен метров. Возле гигантских корней многовекового дуба смотря на массивный лунный диск Чейс потерял сознание и всю ночь провел в тревожном полубезытье. На рассвете трое мужчин отправившиеся на рыбалку нашли едва живого Чейса. Они с трудом узнали в нем прежнего молодого Скипмена – одежда состояла сплошь из рваных лоскутов, всюду были резанные раны и запекшаяся кровь, нога выглядела ужасно и была заляпана какой-то черной жижей, а каштановые волосы превратились в пепельно-серые. Принеся пострадавшего домой и послав за доктором мужчины на перебой начали спрашивать о произошедшем. Чейс лишь сказал, что пошел гулять на холмы и в темноте оступился, скатился в речные воды ударившись на мелководе о твердые скальные выступы, а течение протащило его от холмов к противоположенному берегу.

Позже то же самое он рассказал своей жене и сыну, добавив лишь несколько убедительных подробностей о том, как боялся за свою жизнь от чего видимо и потерял цвет волос. Чейс провел в постели восемь месяцев и лишь изредка выходил во двор опираясь о палку. Выйдя на работу, Чейс понял, что больше не осилит подработку в шахтах и через несколько дней благодаря доброте администрации получил должность лесничего в городском муниципалитете.

Закончив свой рассказ Чейз добавил, что поначалу не кому не говорил правду о произошедшем с ним. Спустя несколько лет, он рассказал об этом своей состоявшейся жене – Аннет, постоянно чувствовавшей что с мужем что-то происходит. Позже он рассказал все уже взрослому сыну, перед его отъездом в университет. С того дня, как он принялся за исполнение обязанностей лесничего, Чейс сознательно избегал западной части леса, а при необходимости проследовать туда брал с собой ружье. Бывая в дни рыбной ловли на берегу, Чейс присматривал за рыбаками пряча под одеждой револьверы.

Закончив рассказ Чейс поднялся с пенька и больше ничего не говорил. Стало уже темно, вечерняя прохлада заполнила лес. Шагая по тропинке домой рядом с Чейсом я заметил, как под смявшейся от долгого сиденья одеждой у него просматривается рукоять крупного револьвера. Достигнув городской черты я попрощался с Чейсом (он посмотрел на меня многозначительным взглядом приложив палец к своим губам) и мы оба разошлись по домам. Открывая свою калитку, и подходя к входной двери за витражом которой угадывался силуэт моей жены, я думал над тем поверил ли я рассказу Чейса и спросит ли он меня об этом позже. Но он не спрашивал, а я вскоре кое-что узнал.

Через несколько месяцев с того дня как я услышал эту историю, зимой 1911 года Чейс Скипмен исчез. В одну из холодных январских ночей пропало несколько рыбаков. Опытного лесничего полиция попросила помочь в поисках. Последний раз я наблюдал как мой друг – Чейс Скипмен чистил двуствольное ружье в сарае, перед тем как отправится на поиски рыбаков, он все приговаривал что зимой в этих лесах бродит много всякого зверья, и хоть охота

всегда была тут запрещена, отпугивать хищников все же иногда приходится. В ту ночь полицейские из поисковой группы слышала множественные ружейные выстрелы в районе западного берега реки где предположительно пропали рыбаки. Когда очевидцы прибыли на место, они нашли переломленное пополам ружье, облитое черной смолой – так значилось в официальном отчете. Крупнокалиберные ружейные гильзы были разбросаны хаотично среди непонятных следов. В сотне метров от найденного ружья следы вели на лед, где начиналась окровавленная дорожка в конце которой зияла чудовищная прорубь шириной в несколько метров с отбитыми и словно срезанными краями. Пока полиция осматривала прорубь светя вокруг принесенными электрическими фонарями и в беспорядочном танце снежинок погружала багор в водную мглу откуда-то со стороны холмов раздались множественные револьверные выстрелы. Несколько часов полиция осматривала местность уже при свете дня. Но не было найдено ни следов перестрелки, ни тел рыбаков или лесника. В официальном отчете написали, что по свидетельствам очевидцев выстрелы раздавались приглушенные, будто из-под земли, что невозможно и скорее всего выстрелы были очень далеко отсюда, возможно это стреляли браконьеры изредка промышлявшие в лесу и к делу о пропаже людей это отношение не имеет. Рыбаков и Чейса признали жертвами забредшего в эти края медведя Гризли. Эксперты вынесли заключение что отважному леснику удалось подстрелить животное, ранее впавшее в бешенство от убийства рыбаков, но в результате борьбы перешедшей на лед, тело Гризли провалилось увлекая за собой Чейса Скипмена. Поиск тел отложили до весенних паводков, но так ничего и не нашли. Через год, на следующую зиму рыбаки и Чейс были признаны погибшими.

В муниципалитете по случаю годовщины тех событий, Чейсу Скипмену присудили звезду героя. Награду передали его семье. Потом был небольшой банкет. Там, жена Чейса, Аннет Скипмен передала мне конверт. Она сказала, что Чейс за несколько недель до своей пропажи над чем-то трудился для меня, но над чем именно не сказал. Завершив работу, он вложил исписанные листы в конверт, запечатал его и надписал на нем мое имя. Поблагодарив Аннет и извинившись, я оставил её в компании моей жены, и покинув здание, отправился домой. Холодный ветер дул мне в спину пронося над головой бесчисленное количество красивых снежинок.

Спустя полчаса я сидел на втором этаже дома за своим рабочим столом и смотрел на конверт, пришедший мне из прошлого от моего доброго друга Чейса. Решившись я вскрыл конверт – внутри обнаружилось несколько листов бумаги. На первых трех я обнаружил непонятные символы нанесенные рукой Чейса и расположенные в форме круга. На трех других листах были зарисовки таинственного и пугающего существа с четырьмя руками-щупальцами с когтистыми клешнями на концах, продолговатой головой, овальными глазами, округлой пастью и толстым хрящом в нижней части туловища.

На следующий день запершись на втором этаже городской библиотеки я достал оккультные книги из закрытой секции изучением которой я тайно занимался последние годы. Просидев до позднего вечера, я смог расшифровать примерный смысл этих символов. Прочитанное вызвало у меня панический приступ. Как удалось выяснить подобные символы использовались древними колдунами что бы удерживать под контролем или погружать в вековое заточение неких существей. Другие символы использовались для того что бы выпускать некие существи в наш мир при необходимости. В книгах описывался внешний вид существ – он в точности повторял то что запечатлел на своих рисунках Чейс Скипмен. Касательно происхождения существ лишь намеками указывалось что они пришли к нам из архаичных времен других сфер вселенной.

Вложив все шесть листов полученных от жены Чейса в раскрытый пыльный том и захлопнув его я поспешно разложил все книги по местам. Я испытал шок от прочитанного и от реальности, которая теперь мне казалась частью какого-то вымысла. Покинув здание библиотеки, я поспешил домой, стараясь держатся поближе к кругам света фонарных столбов.

Спустя три месяца после моего ознакомления с расшифровкой записей Чейса у нас в городе появился новый лесничий. Он был не местным, недавно перебрался к нам в город, но имевшиеся у него рекомендательные бумаги подчеркивали опыт подобной работы и произвели впечатление на муниципалитет.

Новый лесничий в городе, однако не пользовался большой популярностью. Он производил впечатление таинственного человека, по городу ползли слухи о том, что кто-то слышал по ночам в доме лесничего какие-то непонятные звуки напоминавшие монотонное чтение какого-то текста, а желтоватые отблески света, иногда мелькавшие на занавесках, пугали случайных полуночных прохожих. В то же время манера общения у нового лесничего были весьма искусны и обходительны, виделась образованность и начитанность и многие не верили в эти склоки. Может конечно пара странных бус и каких-то других безделушек выглядели в элементах одежды нового горожанина немного диковато, но он некогда не предавал им значения на людях, говорил, что это просто красивые безделушки, привезенные им из дальних странствий.

Свои прогулки по лесу я не прекращал и старался каждый день уделять им часть времени. Я несколько раз встречал на многочисленных лесных тропинках нового лесничего, но мне так и не удалось свести с ним знакомство. При мне он был весьма немногословен, часто избегал встреч замечая меня издалека, казалось я мешаю ему осуществлять какое-то важное дело. Иногда, когда мне удавалось застать его первым и подойти ближе мне казалось, будто на миг его лицо становится словно восковой маской после чего оно мгновенно приобретает обычную живость. За несколько месяцев слежки с моей стороны я заметил, что его маршрут пролегает в основном в западную часть леса.

Часто, сидя по ночам на втором этаже моего дома, я наблюдаю за раскинувшейся вдалеке лесной чащей, окутанной ночным туманом. Временами мне становится не по себе, чувство страха закрадывается в мое сознание, когда в темной и неподвижной лесной чаще мелькают несколько пар желтоватых огоньков, бессмысленно блуждающих во тьме, а мой обострившийся до предела слух в такие моменты улавливает звучащий где-то вдалеке гортанный напев таинственного лесничего с подозрительным восковым лицом. Он поет на языке из книжек, покоящихся в закрытой библиотечной секции. Быть может все это лишь моя галлюцинация и Чейса Скипмена и тех рыбаков действительно утащили дикие звери? Все случаи пропажи людей в наших лесах, тогда, когда их не удается найти, это – случайность? На днях, когда жена отлучилась в кино с подругами, я покинул дом и приобрел надежный револьвер. Сейчас, когда я делаю эти записи, его металл приятно оттягивает карман. На днях нужно будет перепроверить книги в закрытой секции, кажется... нет, я почти уверен, там были универсальные заклинания для подчинения этих существ кем бы они небыли. А может быть все дело решит револьвер и пули? В кого же мне их тогда направить, в себя... меня заразил Чейс своим сумасшествием или... мой добрый старый друг более чем нормален и все эти годы охранял людей там, в лесу, от неизвестных монстров? Сплошные вопросы. Сейчас, заканчивая записи я уверен лишь в одном – день ото дня блуждающие желтые огоньки в темном лесу все ближе и ближе. Они подбираются городской черте.

ВРЕМЯ ИЗ ПЕСКА

К своим записям в этом дневнике я прикладываю письмо, которое несколько дней назад получил от моего давнего друга – Джонатана Дэниэлса. Сейчас трудно разобрать написанное в нем, но там содержалась просьба: как можно скорее отправится в поместье Аркитз, фамильный особняк Дэниэлсов, находящийся примерно в одном дне пути от меня. Согласно указанной в письме дате, оно было написано пять дней назад, 13 октября 1906 года. Прочитав это послание, я прибывал в довольно взволнованном состоянии. По моим сведениям, мой друг Джонатан в данный момент времени находился в составе археологической экспедиции путь которой лежал через бескрайнюю Египетскую пустыню. Перед самым отъездом в Египет, Джонатан будучи у меня в гостях, сообщил, что вошел в состав экспедиции и вместе со всеми её участниками отбывает через три дня и прибудет назад не менее чем через год. Однако, с момента нашей последней встречи прошло немногим более пяти месяцев. Возможность возвращения Джонатана досрочно по собственной воле, казалась мне очень странной. Зная хорошо своего друга, я был уверен – он задержится в экспедиции даже дольше запланированного срока.

Спустя день после прочтения письма, я в спешке завершил все свои текущие дела и попросил свою экономку – миссис Гарльсуон, заказать мне два билета на поезд отбывающий самым первым рельсом в город Кройсберри-Хилл, на одном из плодородных полей которого располагалось поместье Аркитз – древнее и величественное родовое гнездо династии Дэниэлсов. В день отъезда я так торопился что прибыл на нужную мне платформу за час до отхода поезда. Из вещей я взял только самое необходимое, мне удалось уместить взятые с собой вещи в небольшой дорожный саквояж, изредка путешествующий со мной в непродолжительные деловые выезды в соседние города неподалёку от моего постоянного жилища. Пожалуй, не самым отдаленным городом был и Кройсберри-Хилл, куда я и направлялся в данный момент. Пройдя в вагон вместе с остальными немногочисленными пассажирами, я устроился один на свободной скамейке напротив окна. Поезд отправился в путь через несколько минут строго по расписанию. По прошествии некоторого времени большая часть пассажиров занялась своими делами: одни изучали сегодняшние газеты, пахнувшие свежей типографской краской, другие разворачивали туго запакованный ланч, а некоторые же просто спали.

С момента отхода поезда прошло уже около получаса, сиденье напротив меня так и осталось пустым. Ещё бы, ведь столь ранними рейсами в наших краях в основном ездили различные служащие, чья работа состояла из разъездов по деловым переговорам, вероятно каждый надеялся провернуть несколько скоротечных и по возможности удачных торговых сделок, возможно основать свою собственную контору дабы наконец избавиться от изматывающе ранних рейсов на первых поездах.

Попеременно рассматривая то пассажиров, то всматриваясь в мелькающие за окном пейзажи я поймал себя на мыслях о том, что постоянно строю версии относительно того, что же с подвигло Джонатана прибыть столь рано из давно желанной экспедиции, и зачем ему понадобилось столь срочно увидится. Такое поведение было странным для него, в силу своего пытливого ума одаренного исследователя эзотерики, обычно он некогда не упускал случая поучаствовать в каком-нибудь научном мероприятии. За раздумьями я провел ещё немного времени и постепенно мои мысли перешли к спокойным и тихим воспоминаниям о прошлом, стали вспоминаться юношеские годы, как раз то время, время знакомства с Джонатаном на первом курсе университета.

Насколько мне было известно, Джонатан с детства интересовался всем, что было связано с Древним Египтом. Едва ли на свете существовала вещь, которая была способна оторвать Джонатана от изучения книг по истории Египта и научных работ по Египтологии. Он

очень упорный человек, а его объем знаний об истории и мифологии этой древней земли поражал своими подробностями всех без исключения профессоров университета, в котором я тогда учился в одной группе с Джонатаном на историческом факультете. Чрезмерная увлеченность этой темой порой заставляла Джонатана проводить несколько дней без сна, просиживая всё это время за пыльными библиотечными томами, которые он еженедельно брал из двух городских библиотек и большого университетского хранилища. У однокурсников Джонатана порой случались приступы беспредельной зависти, когда его очередная научная статья удостаивалась высокой оценки и печаталась в паре исторических журналов, выпускавшихся крупными тиражами раз в месяц.

Будучи студентом первого курса дневного отделения я в первые же месяцы сдружился с Джонатаном, нашему знакомству и дальнейшей дружбе не помешала даже раздельная учеба в разных группах. Наши увлечения были во многом схожи, Джонатана интересовало всё что связано с историей и культурой Египта, особенно в части древнейшего периода этого государства, мой же интерес вызывало всё что было связано с научными и архитектурными достижениями этой древней цивилизации. Мы подолгу сидели в университетском дворе после занятий и беседовали, забыв о времени. Обычно такие беседы проходили на территории двора до поздней осени, а с наступлением холодов мы перемещались в просторный читальный зал на первом этаже университета. Это было огромное по своим габаритам помещение над отоплением которого трудились целых четыре камина, а сводчатый потолок поддерживался массивными колоннами. В этом зале мы проводили по несколько часов в день, до самого его закрытия, которое в зимнее время наступало раньше обычного из-за быстро сгущавшейся темноты которую многочисленные керосиновые лампы уже с трудом рассеивали вокруг себя.

Благодаря талантливым университетским преподавателям мы с Джонатаном узнали множество интересных вещей. На старших курсах – из-за непреклонных энтузиазма и упорства Джонатана, мы совместно напечатали несколько интересных статей о Египте, которые вызвали довольно большой интерес среди преподавателей университета, однако идеи изложенные в наших работах сочли довольно вычурными и неправдоподобными.

Закончив учёбу в университете мы на протяжении нескольких лет виделись с моим другом довольно редко. Вернувшись домой после учебы, я по настоянию родителей продолжил дополнительно обучаться и спустя несколько лет стал управляющим небольшим частным архитектурным бюро заняв место своего отца. Джонатан стал преподавателем истории в одном из университетов в своём родном городе Кройсберри-Хилл, и спустя два года уже имел профессорское звание. Свою работу он постоянно совмещал с краткосрочными экспедициями в разные части света. На протяжении всего этого времени он замыслил длительную поездку в Египет, долго и тщательно к ней готовился, во время наших встреч уже после окончания университета, Джонатан часто упоминал о своих новых научных изысканиях в области истории. Все внимание Джонатана было словно приковано к этой таинственной стране. В конце концов все сложилось так, что он решил присоединиться к составу археологической экспедиции узнав её запланированный маршрут. Экспедиция должна была отправиться в путь в начале 1906 года и в течении последующих двенадцати месяцев изучить малоисследованные части Египетской пустыни. Предполагался также поиск и исследование различных храмов и гробниц в случае их находки. Перед самым отъездом, когда Джонатан посетил мой дом и поведал о том, что сможет наконец осуществить свою задумку и целый год посвятит исследованиям в Египте, он показался мне необычайно взволнованным. Джонатан постоянно повторял мне что сможет отыскать нечто важное в этих неизведанных местах. Он пообещал, что обязательно напишет, когда что-то найдет, а так же сообщил что по возможности постарается пробыть в этой экспедиции как можно дольше. Джонатан покинул мой дом с непреклонной решимостью во взгляде, уже тогда я понял, что возможно не увижусь с ним на протяжении ближайших полутора лет. Однако сейчас, когда со времени его отъезда прошло около пяти месяцев я неожиданно полу-

чаю сбивчивое письмо из Кройсберри-Хилл от Джонатана. Тот факт, что он прибыл гораздо раньше запланированного срока вероятно мог означать, что Джонатан разыскал нечто очень важное, что наверняка взбудоражит всё учёное сообщество. Мне было приятно, ведь Джонатан решил меня первым посвятить в свою тайну и пригласил так быстро, как только смог.

За двадцать два часа проведенных в поезде я часто вспоминал о беседах с Джонатаном за все время нашего знакомства. Меня всегда не покидало ощущение того, что он что-то пытается отыскать. Его явно интересовала не только история Египта, но и определенные знания о тех или иных постройках древности. Кроме того, ещё в студенческие годы, когда первую из исследовательских работ Джонатана опубликовали я заметил, как он гордится тем что смог получить временное превосходство над другими студентами. Однако при этом он никогда не стремился получить превосходство надо мной, напротив, фактически это он уговорил меня помогать ему в научных изысканиях. Мне всегда не вполне была ясна цель некоторых из таких изысканий, казалось, что Джонатан будто что-то скрывал ото всех, возможно некую личную цель которую он ещё в детстве поставил перед собой. Похоже, что она была неким образом связана с какими-то сказками и неправдоподобными историями о Египетской цивилизации услышанными им в детстве, но вряд ли это было что-то серьёзное. Так или иначе эта цель и конечный результат были известны только самому Джонатану.

Выйдя на привокзальную площадь Кройсберри-Хилл, я предвкушал радостную встречу с моим добрым другом и готов был выслушать нечто необычное и возможно таинственное. Взяв ближайшего извозчика и назвав ему адрес, я стал осматривать проплывающие мимо меня немногочисленные улицы этого довольно гостеприимного города.

Спустя чуть больше часа я уже стоял у ворот поместья Аркитз. Миновав ворота, я издали увидел на крыльце особняка слегка сгорбленную фигуру в потрёпанном пиджаке с дымящейся табачной трубкой в правой руке. Без сомнения – это был мой старый друг Джонатан Дэниэлс. Джонатан явно с нетерпением ждал моего приезда. Тепло поприветствовав меня, он пригласил пройти на второй этаж дома где располагался его рабочий кабинет. Поднимаясь по лестницам, я заметил, что глаза Джонатана лихорадочно блестят, похоже, он явно обнаружил нечто, что заставило его пребывать в волнении на протяжении длительного времени, он явно хотел немедленно поделиться со мной какой-то информацией о своем открытии.

Но, услышанное на протяжении последующего получаса заставило меня усомниться в нормальности рассудка Джонатана.

Он начал свой рассказ с того момента, как вместе с научной экспедицией, в состав которой входили двенадцать археологов и исследователей, прибыл к восточному берегу Нила, примерно на середину этой великой реки. Переправившись через реку, они при помощи опытных проводников набранных из местных жителей, продвигались на Северо-Запад, согласно карте маршрута экспедиции в поисках неоткрытых захоронений. Спустя шестнадцать дней пути один из членов экспедиции, опытный археолог Арнс Грант, обнаружил огромную песчаную дюну, напоминающую по своей форме пирамиду, с явно выделяющейся заостренной верхушкой. Приблизившись к дюне, члены экспедиции увидели, что она состоит из более мелких и темных песчинок, нежели окружающий её пустынный песок, стелящийся по земле на многие мили вокруг. Члены команды подметили что создается впечатление искусственности, будто кто-то специально насыпал здесь привезенного откуда-то другого сорта песка, возможно засыпал им что-то. Обойдя эту своеобразную пирамиду кругом, экспедиция обнаружила с восточной стороны этой дюны едва заметные каменные двери. Эта находка взбудоражила всех членов экспедиции, похоже они нашли нечто необычное и неизученное. Вероятнее всего можно было рассчитывать на нахождение нового святилища или даже пирамиды погребенную под слоем песка.

На вскрытие входа в постройку ушла оставшаяся часть дня. На следующее утро экспедиция была готова к исследованию таинственной постройки. Изучив камень закрывающий про-

ход, Джонатан пришел к выводу что ему по меньшей мере три с лишним тысячи лет. Проследовав внутрь пещеры взору исследователей открылась удивительная картина: стены и потолок состояли из мелких плотных песчинок образующих единую материю, отливающую темными оттенками в свете принесенных масляных фонарей. Нигде внутри не было видно ни единой частицы камня. Таинственная сила притяжения заставляла мельчайшие песчинки сплотиться друг с другом и образовать целую конструкцию, не давая ей рассыпаться.

Обойдя все помещения этого поразительного строения, исследователи составили её карту. Странным было то, что опытные археологи из команды не нашли ни ловушек, ни каких-либо иероглифов, оставленных строителями пещеры. Кругом не было другого строительного материала кроме непонятно как держащихся мелких темных песчинок. К концу первого дня исследований, тот самый археолог приметивший эту необычную постройку, казавшуюся песчаной дюной необычной формы – Арнс Грант, сделал ещё одно открытие: в нижних ярусах этой постройки, в самом центре лабиринта коридоров есть огромный проход, порядка десяти метров в диаметре, запечатанный каменной плитой – единственным каменным элементом, найденным в этой странной пещере. На плите отсутствовали символы, но имелась надпись на древнеегипетском языке. Это было предостережение, высеченное в камне острым инструментом и гласила оно примерно следующее: «Покой его вечным должен быть, ибо время для него словно песок – бесконечно. Остерегайтесь его сущности, ибо проклятие времени ляжет на всякого кто освободит его от царства тьмы».

Предостережение показалось команде исследователей довольно зловещим, им стало казаться что по-видимому эта и без того необычная пещера могла являться чьей-то древней могилой. Джонатан высказал предположение: возможно, этот таинственный некто был настолько страшен для его современников, что его имя побоялись высечь на могильной плите и вообще где-бы то не было.

Позже вечером, когда вся команда собралась в палатке возле входа в пещеру для решения технических вопросов по открытию каменной плиты, неожиданно обнаружилось исчезновение проводников и вместе с ними двадцати рабочих состоявших в основном из местных жителей. Они уходили в спешке – вещи, инструменты и часть каравана с продовольствием остались нетронутым. Местные жители были суеверны и по всей видимости сбежали, испугавшись зловещего духа, витающего в подобных местах. Пока археологи спорили что делать дальше – отправляться ли за новыми рабочими или попробовать вскрыть гробницу своими силами с помощью оставшегося инструментария, Арнс Грант и Джонатан изучали в стороне ото всех начисто перерисованную карту пещеры. Спустя некоторое время они прервали дебаты своих коллег и сделали заявление о новом открытии. Согласно изученным многоуровневым планам, они установили – эта пещера на самом деле представляет из себя многоуровневую пирамиду, о чем свидетельствуют высчитанные геометрические пропорции и необычная форма дюны выделяющаяся на общем рельефе. По их скромным предположениям тысячи лет назад эта дюна действительно имела форму пирамиды пока перемещение песка по пустыне не засыпало постройку. Однако, оставался неясным и загадочным факт того, что кому-то неизвестному, неведомым доселе способом, удалось создать пирамиду из песка, не используя явно видимого связующего материала. Вероятно, новые факты в тот день подстегнули интерес ученых и это повлияло на принятие решения о том, что бы собственными силами попытаться открыть таинственную плиту на нижнем ярусе.

На постройку и укрепление подъемного механизма ушло около недели. К тому времени припасы группы значительно истощились, особенно плохо дело обстояло с водой, предполагалось что её будут поставлять караваны с рабочими знавшими точное месторасположение находившегося где-то недалеко оазиса, но из сбежавших рабочих так никто и не объявился. Когда механизм был полностью собран и соединен с крышкой гробницы, археологи немедленно приступили к подъему каменной преграды. С трудом, используя законы механики, удалось припод-

нять и отодвинуть многотонную плиту в сторону. Перед исследователями предстал глубокий темный проход. Вниз вели узкие ступени тянущиеся в неизвестность. Все кругом в этом проходе так же состояло из мельчайшего неосыпающегося песка.

Взяв факелы и керосиновые лампы, Джонатан, Арнс Грант и ещё трое археологов из команды начали спуск вниз аккуратно шагая по узким песочным ступеням. Речь исследователей звучала приглушенно, по пещере изредка пролетали порывы леденящего подземного ветра. Для достижения дна этого прохода потребовалось около получаса осторожной ходьбы друг за другом в узком проходе. Пятеро человек во главе с Джонатаном Дэниэлсом очутились в просторном помещении. Оно имело квадратную форму: невысокий потолок сходил в центре образуя вершущку треугольника. Исследователи находились в помещении, которое представляло собой миниатюрную пирамиду, находящуюся под другой пирамидой и лежащей очень глубоко под землей. Все терялись в догадка о том какой безумец построил это место и как ему удалось заставить огромные массы песка держаться застывшими в определенной форме на протяжении стольких веков.

Неожиданный крик Арнса Гранта, у центра подземной пирамиды, заставил Джонатана и других исследователей вздрогнуть в холодном поту от неожиданности и повернуться кругом освещая пространство факелами и лампами. Фонарь в руках застывшего Арнса дрожал. Все приблизились к центру пещеры рассеивая мглу.

В центре этой маленькой подземной пещеры стоял человек с ног до головы состоящий из мелкого, черного словно ночь, песка. Свет от огня тонул в этой тёмной застывшей фигуре, будто она пропускала его в себя. Черты лица были стерты и представляли собой сплошную песчаную поверхность. Очертания мускулатуры на теле и конечностях так же едва прослеживались. Ужасающая своей таинственностью, походившая на человеческую фигура, заставляла всех стоящих рядом с ней людей решать дара речи. В этот момент в сердцах и умах пятерых исследователей господствовал страх. Джонатан был не в силах оторвать свой взгляд прикованный к лицу зловещей фигуры. Песок на верхней части лица начал расплзаться в стороны. Через несколько мгновений на замерших в испуге людей смотрели два чёрных поблескивающих глаза без зрачков.

Джонатан замолчал прервав своё повествование и развернувшись на стуле сел ко мне боком, дав понять что окончил свой рассказ.

Некоторое время я молчал, внимательно изучая фигуру моего друга, отодвинувшегося от стола в бессолнечную дневную полутьму окутавшую часть его кабинета. Я попросил Джонатана продолжить, но в ответ была лишь тишина... Тогда я спросил, что произошло дальше с Арнсом Грантом и ещё тремя археологами, спустившимися с ним вниз к этой таинственной фигуре. Хриплый голос – словно лёгкие были забиты песком, прозвучал из уст Джонатана Дэниэлса. Этот голос и отдаленно не походил на голос моего друга, слова звучали приглушенно:

– «Они стоят там до сих пор. С фонарями в руках они стоят посреди пещеры и освещают её. Туда спустились другие, те кто остался на верху у входа что бы поприветствовать меня, ибо сказано, что проклятие времени падет на каждого кто откроет проход. Они будут стоять там до тех пор, пока песок лежит на просторах Египетской пустыни».

Из бессолнечной зоны на меня выдвинулась фигура Джонатана Дэниэлса, его глаза были словно из стекла, тёмного стекла, лишённые зрачков. Я закричал и кричал ещё долго до тех пор, пока не потерял сознание от пристального давящего взгляда чудовищных неподвижных глаз.

Я очнулся в сумерках лёжа на полу перед письменным столом в кабинете Джонатана Дэниэлса. Все произошедшее со мной казалось настоящим кошмаром. В тот момент я ещё не был уверен, что это произошло наяву. Выйдя из кабинета и спускаясь на первый этаж мне не встретилось ни одной живой души. Я следовал к выходу из поместья Аркитз, мой слух ловил

в воздухе легкое, едва различимое шуршание. Отперев задвижку на парадной двустворчатой двери и раскрыв половинки настежь, я ощутил неистовый первобытный ужас. На сколько хватало взгляда – кругом простиралась бесконечная, безжизненная пустыня, заполненная мелкими песчинками, которые перекатывались по бескрайнему и безжизненному полю подобно песку в гигантских песочных часах, отсчитывающих бесконечное, идущее в неизвестную сторону время.

ГОРА ЧЕЙНИ

Глава 1

Громкий звонок телефонного аппарата прервал сон детектива Стивена Крэйна в ночь с пятого на шестое апреля 1903 года. Встав с кровати, он поднял трубку после третьего звонка. На том конце послышался усталый голос Отто Гудвина, одного из констеблей полицейского участка. Детектив Крэйн растирал пальцами закрытые веки выслушивая от Гудвина новость о кровавом убийстве, произошедшем в двадцати километрах от дома Крэйна – в военном форте Корнуон. Крэйн устало подтвердил констеблю Гудвину, что скоро прибудет на место и положив трубку начал одеваться. Через десять минут детектив сел за руль своего автомобиля и поехал вверх по северной дороге ведущей к воротам форта. Фары машины высвечивали из полуночной тьмы силуэт пробегающего по дороге зайца. Мелкий дождик начал беспорядочными каплями падать на лобовое стекло автомобиля.

– Только дождя на сегодня не хватало, – устало пробормотал себе под нос детектив, подавляя нахлынувший на него приступ зевоты.

Краем глаза детектив успел заметить, как на краю дороги промелькнул километровый столб с отметкой 95. До форта оставалось ещё девять километров пути. По правую сторону дороги лежал густой темный лес, придорожные деревья которого покачивались от редких порывов ветра. Слева простиралась длинная полоса ферм, лишь в нескольких окнах которых горели отблески керосиновых ламп.

Через некоторое время фары высветили массивные ворота форта и несколько полицейских автомобилей стоявших рядом на обочине. К остановившейся машине подбежал полицейский в форменном плаще, придерживая одной рукой шляпу, а в правой держа раскрытый над головой черный зонт. Стивен Крэйн открыл дверцу машины, вышел и надев на голову короткополую шляпу, сделал несколько шагов на встречу подошедшему полицейскому.

– Здравствуйте детектив Крэйн, это я звонил вам сорок минут назад, – констебль Отто Гудвин встал рядом с собеседником и поднял зонт чуть выше.

– Приветствую снова констебль Гудвин, почему решили вызвать меня?

– Господин Норингс, начальник полиции нашего округа, сказал, что вы большой специалист по подобным делам, – проговорил констебль, взглядываясь в лицо детектива.

– Ладно, раз это сказал Норингс. Он знает толк в людях. По телефону вы говорили что-то насчет необычности убийства, не посвятите ли меня в детали?

– Конечно детектив, пройдемте к главному зданию форта, командир Хаксли ожидает вашего прибытия у себя в кабинете.

В сопровождении Гудвина, Стивен Крэйн прошёл в ворота форта Корнуон, мелкий дождик начал падать все чаще, вдалеке послышались приглушенные раскаты грома. Обогнув несколько одноэтажных строений походивших с виду на казармы, сложенные из дубовых бревен и высокую смотровую вышку с человеком, закутанным в плащ с капюшоном, констебль и детектив подошли к небольшому одноэтажному зданию с флагштоком на верхушке крыши. Поднявшись по трем широким ступеням на которых начали проявляться мелкие следы от дождевых капель и распахнув деревянную дверь, двое посетителей оказались в просторной комнате. В её дальнем конце за массивным столом сидел человек в военной форме и держал во рту потухшую табачную трубку. Отто Гудвин сложил зонт и поставил его у стены, затем снял плащ и повесил его на свободную вешалку рядом с толстым военным плащом. Стивен Крэйн тем временем снял шляпу стряхнув с неё дождевую воду, резким движением скинул свой серый плащ и повесил его рядом с плащом констебля.

– Прошу садиться джентльмены, – проговорил командир Хаксли глухим голосом.

Крэйн и Гудвин прошли по комнате в направлении стола за которым расположился капитан и присели на два предложенных стула. Капитан Хаксли отложил в сторону давно потухшую табачную трубку, распрямился и сложил руки на столе сцепив пальцы замком.

– Я полагаю вы и есть детектив Стивен Крэйн, – начал спокойным голосом капитан Хаксли, – мой старый друг, начальник полиции Норингс, рекомендовал мне вас. Он ручался что вы распутываете довольно быстро сложные и необычные дела. Вы весьма умны и не любите болтать газетчикам, надеюсь вы понимаете, мне не нужны не какие слухи о моем форте.

– Да-да, конечно, я понимаю вас, – заверил Крэйн, – констебль Гудвин мне не раскрыл подробности дела, и не упоминал о них по телефону, полагаю я получу подробности от вас капитан.

– Вы верно всё поняли, мистер Крэйн, это хорошо. Что же, я, надеюсь, что вы можете нам кое-что прояснить. Обстоятельства, почему это произошло на самом деле, что послужило истинной причиной. Видите ли, убийство на территории военного гарнизона в мирное время, это всегда очень неприятный случай, он может негативно отразиться на репутации военных.

– Убийство всегда негативно влияет на что либо, я так понимаю вы намеренны разобраться с этим делом поскорее, итак?

Капитан Хаксли встал из-за стола и прошелся по комнате. Подойдя к большому глобусу стоявшему у правой стены комнаты, он слегка коснулся его рукой, затем развернулся лицом к сидящим:

– Два часа назад на территории этого форта, в третьей казарме застрелили одного из моих солдат. Его застрелил сослуживец, рядовой Оди Брайнс, из своего табельного револьвера. Брайнс выпустил в беднягу все шесть зарядов, пули одна к одной застряли в грудной клетке жертвы. Сейчас рядовой Оди Брайнс арестован и находится под присмотром двух солдат здесь, в форте Корнуон, в помещении для отбытия наказаний. Он слегка не в себе, но думаю вы сможете с ним поговорить.

Капитан обошел комнату кругом и вновь сел за стол сомкнув пальцы в замок.

– Расскажите подробнее о жертве, о том солдате которого застрелил этот рядовой Брайнс, – задумчиво произнес детектив.

– Жертва, да-да, – пробормотал капитан Хаксли, – солдат которого убили, рядовой Гард Льюис, он три дня назад был послан в плановый поход, на гору Чейни. Мы постоянно посылаем туда солдат в поисках заблудившихся людей, неопытных альпинистов или же просто любопытных глупцов которых потянуло поближе к Солнцу. В этот раз идти на поиски выпало Льюису. Спустя два дня он вернулся, однако, как поговаривают его сослуживцы весьма странным. Он был вроде как не в себе, постоянно путал имена других знакомых ему солдат, не сразу отыскал свою койку в казарме. В общем он вроде как умом тронулся. И через день после его возвращения, сегодня ночью, произошло это убийство. Среди ночи, Оди Брайнс мирно спавший в своей койке проснулся, взял револьвер, подошел к кровати Гарда Льюиса которая стояла напротив и выстрелил в спящего шесть раз. Проснувшиеся от выстрелов солдаты заметили, что взгляд у рядового Брайнса был словно у бешеного волка, что бродят в долине за горой Чейни. Четверым солдатам едва удалось скрутить упорно сопротивляющегося Брайнса, а он тем временем кричал на всю казарму что убил другого Льюиса. Словом, бедняга Брайнс будто бы то же спятил. Впрочем, вы вероятно сами должны в этом убедиться, побеседовав с ним.

– Я непременно поговорю с ним, но сначала мне нужно осмотреть место происшествия и взглянуть на тело.

– Разумеется, констебль Гудвин со своими людьми предварительно все осмотрели, но личные вещи не осматривали, решили дожидаться вашего прихода.

– Хорошо, капитан Хаксли. Мне бы хотелось осмотреться. В какой казарме все это произошло?

– Да, осмотрите все повнимательнее детектив. Третья казарма находится немного дальше моего штаба, констебль Гудвин проведет вас, – капитан Хаксли поднялся из-за стола.

– Благодарю вас капитан, – детектив Крэйн так же поднялся со своего места, – идёмте констебль.

Надев плащи и шляпы констебль Отто Гудвин и детектив Стивен Крэйн проследовали к выходу из капитанского штаба. Выйдя на улицу и спустившись по промокшим ступеням Отто Гудвин вновь раскрыл зонт.

Порывы ветра усилились, дождь моросил все яростнее, вдалеке на востоке первые бледные лучи восходящего солнца осветили силуэт горы Чейни, которая словно бестелесный призрак возвышалась среди свинцовых облаков. Детектив следовал за констеблем Гудвином по направлению к третьей казарме. Размокшая земля хлюпала, оставляя грязно-чёрные следы на ботинках полицейских. Вскоре детектив Крэйн увидел примерно в двадцати метрах впереди большое деревянное здание. Керосиновая лампа под навесом у входа, раскачивалась от порывов ветра, то и дело высвечивая нарисованную на стене белой краской цифру 3.

– Почти пришли детектив, – громким голосом произнес констебль Гудвин пытаясь заглушить шум усиливающегося дождя.

Крэйн кивнул головой, показав, что понял. Подойдя к дверям казармы номер три, детектив толкнул дверь на себя. Со скрипом отварив её, он прошел внутрь, за ним, захлопнув зонт, проследовал констебль Гудвин.

Перед взглядом вошедших предстала ярко освещённая комната, во всю длину которой тянулись два ряда деревянных кроватей, покрытых одинаковыми зелёными одеялами, сотканными из грубого толстого сукна. Впереди, примерно в центре рядов двое мужчин в темных мокрых от дождя плащах о чём-то тихо переговаривались друг с другом. Перед ними на полу лежала простыня накрывающее нечто, очертаниями похожее на человеческую фигуру. Детектив и констебль пошли в направлении двух человек разговаривающих друг с другом. Крэйн успел услышать обрывок их разговора:

– Да Ганс, верно подмечено. В прошлом году мне то же случалось видеть нескольких бедолаг. Их раны были куда больше чем просто от укуса простого волка. Я же говорю тебе – на этой чертовой горе появился оборотень. Видимо наш приятель успел увидеть, как эта тварь сожрала одного из туристов и попросил своего дружка помочь ему очиститься от мыслей в голове.

– Да брось, Руперт. Ты у нас мастер выдумывать всякие пакости, должно быть поэтому тебя и взяли на эту работу, интересно и как это наш старик проглядел в тебе черты настоящего маньяка.

– Кончайте эти разговоры ребята, – прикрикнул подошедший к ним констебль Гудвин.

– Эти двое, – указал на них полицейский, – новенькие коронеры из Гриндбергского госпиталя, ну что в семнадцати милях отсюда на юг.

– Я Ганс Долингтон, а это мой напарник Руперт Торэлли. Мы приехали что бы забрать тело в морг, – оба пожали детективу руку.

– Детектив Крэйн. Стивен Крэйн. Прибыл по приглашению полиции округа что бы осмотреть место происшествия. После сможете забрать тело в морг. И пожалуйста сообщите, когда отчет о вскрытии будет готов. А сейчас если позволите я осмотрюсь.

– Да, конечно сэр, – отозвался разговорчивый Руперт, – пойдём Ганс, я до расскажу тебе историю об оборотне.

Двое коронеров пошли к выходу из казармы увлечённо беседуя между собой.

– В этот госпиталь набирают только циников со странностями. С каждым годом я убеждаюсь в этом все больше и больше, – задумчиво протянул Отто Гудвин шуря глаза от нескольких керосиновых ламп висевших под потолком.

– Ладно, приступим, – детектив снял шляпу и положил её на ближайшую кровать.

Крэйн присел возле раскинутой на полу простыни. В лицо светила горящая на ближайшей прикроватной тумбочке маленькая керосиновая лампа. Под этим углом на простыне были видны несколько пятен крови. Детектив резким движением откинул простыню почти на половину. Констебль Гудвин поморщился. Перед служителями закона лежало тело убитого Гарда Льюиса.

Восковое лицо трупа слегка припухло и имело бледный оттенок с тёмными пятнами возле глазниц. В районе грудной клетки на зеленоватом мундире было несколько пулевых отверстий. Смятая крепкая армейская ткань вокруг отверстий была опалена, а внутри виднелась запекшаяся кровь.

– Здесь, наверное, давно довольно холодно, кровь быстро присохла, да и его лицо слишком быстро одеревенело, – задумчиво произнес Отто Гудвин.

Стивен Крэйн потянулся пальцами правой руки к пулевым отверстиям в мундире и дотронулся до кусочка запёкшейся массы тёмно-красного цвета. От прикосновения детектива, маленький кусочек размером с монетку отлетел и упал на пол подкатившись к ботинку детектива. Чуть пригнувшись и прищурился, Крэйн увидел, что этим маленьким комочком была часть металлической пуговицы от армейского мундира, выпачканная кровью.

– Да, похоже с отправкой в морг можно не спешить, бедолага и без того уже примерз к полу, – вставая на ноги произнес детектив, – думаю я закончил с предварительным осмотром тела, подробности расскажут коронеры. Скажите констебль, у этого Льюиса были личные вещи, я бы хотел взглянуть на них?

– Разумеется, – сказал констебль Гудвин, – они в сундуке под его кроватью, у каждого солдата есть такой сундук. Вещи мы не трогали, осмотрели только карманы брюк, там пусто.

– Давайте осмотрим его сундук, – детектив подошел к кровати напротив которой лежало тело.

На измятой простыне виднелось несколько небольших кровавых пятен.

– Его убили, когда он спал здесь, – констебль Гудвин указал на кровать, а затем на тело убитого на полу, – затем взбесившегося Оди Брайнса оттащили от жертвы, а он крепко схватился за ногу и стянул труп с кровати прямо сюда, на середину прохода между рядами.

– Об этом позже мы поговорим с самим Брайнсом, а сейчас заглянем внутрь, – Крэйн выдвинул из-под кровати тяжёлый сундук и подергал его за грубую ручку, вбитую в верхнюю крышку, – заперто, – разочаровано произнес детектив.

– Ну, мы решили ничего не трогать до вашего прихода сэр, – проговорил констебль, – никто не проверял заперт ли сундук и что в нём находится. Полагаю, у капитана Хаксли найдутся запасные ключи, я схожу за ними.

– Нет, подождите. Они должны быть у него, – Крэйн начал тщательно ощупывать боковые карманы жертвы.

В карманах оказалось пусто, как и говорил констебль. Тогда Стивен Крэйн надорвал ворот на мундире трупа. Несколько оставшихся пуговиц скатились на пол.

– Вот и он, – Крэйн потянул веревку на шее и откуда-то из-под спины жертвы показался потертый, слегка проржавевший ключ.

Крэйн дёрнул за веревку и ключ оказался в правой руке детектива. Вернувшись к сундуку, он вставил ключ в замочное отверстие. После нескольких поворотов ключа раздался щелчок, и плоская верхняя крышка сундука чуть приподнялась. Констебль снял с потолка одну из горевших керосиновых ламп и поднес её ближе к сундуку. Неторопливым движением Стивен Крэйн откинул крышку и заглянул внутрь.

На дне сундука лежала потрёпанная тетрадь в красной обложке. Детектив поднял тетрадь и пролистал несколько первых страниц.

– Незадача, похоже на дневник, но все записи сделаны на латыни. Потребуется время что бы разобраться, – досадно произнес детектив, – я заберу её с собой и поработаю у себя дома.

Думаю, мне потребуется несколько часов что бы припомнить университетский курс и прочесть это. Может удастся узнать что-то большее о конфликте, произошедшем между этими двумя.

– Все может быть. Сообщите, как только прочтете эти записи, – констебль Гудвин повесил керосиновую лампу на место, – думаю самое время поговорить с рядовым Оди Брайнсом. Он на другом конце форта в помещении для провинившихся. Я проведу вас детектив.

– Да, пойдёмте констебль. Можете сказать тем двоим коронерам, что труп можно забрать.

Гудвин и Крэйн быстрым шагом направились к выходу из казармы. На улице они переговорили с коронерами и те захватив под навесом носилки скрылись внутри казармы. Полицейский и детектив следовали по направлению к небольшому зданию на другой стороне форта, придерживая рукой шляпы и прикрываясь зонтом констебля от льющего сквозь рассвет дождя.

Помещением для провинившихся оказалось старое здание из бревен высотой в два этажа. Все окна на первом этаже были закрыты прутьями толстой решетки. Из трех верхних окон в одном горел свет. Открыв парадную дверь детектив увидел лестницу, ведущую наверх. Пройдя по ступенькам наверх, посетители оказались в комнате второго этажа напоминавшей прихожую. На звук шагов вышел солдат одетый в полное боевое обмундирование и представился сержантом Майклом Невелсом.

– Задержанный в одной из камер на нижнем этаже, – сержант Невелс снял с пояса связку ключей и сделал несколько шагов по направлению к дальней части комнаты, – мы держим часть первого этажа изолированной от улицы. Попастъ в изолированную часть можно только по второй лестнице в конце комнаты. Пройдемте за мной.

Сержант и двое спутников пройдя сквозь коридор в конце комнаты ступили на узкую лестницу слушая эхо шагов и приглушенный стук дождевых капель о крышу. Внизу стояли двое солдат с винтовками в руках. Несколько керосиновых ламп под потолком освещали узкий коридор.

Прошагав по коридору во всю длину которого располагались решетки одиночных камер, сержант Невелс и его спутники остановились возле самой дальней от лестницы. В камере на куче соломы сидел человек в наспех застегнутой военной форме.

– Рядовой Оди Брайнс, – громко произнес сержант Невелс, – к вам пришли из полиции, они хотят побеседовать с вами.

– Прошу, джентльмены, – обратился сержант к своим спутникам, – думаю он поговорит с вами. Выглядит он довольно спокойно сейчас. Я буду ждать наверху. Когда закончите, скажите охране, они выпустят вас.

Констебль и детектив постояли напротив решетки и подождали пока сержант уйдет. Крэйн сделал несколько шагов по направлению к стальным прутьям за которыми сидел рядовой на куче соломы.

– Мистер Брайнс, меня зовут детектив Стивен Крэйн. Я расследую это дело и пришел сюда что бы поговорить о произошедшем.

– Валяйте, детектив, я расскажу вам, – пробубнил себе под нос Оди Брайнс рассматривая каменный пол, расскажу, как... как я застрелил... это.

Оди Брайнс вскинул голову и уставился на шляпу детектива. Отто Гудвин чуть попятился назад, всматриваясь в слегка обезумевшее лицо рядового.

– Почему вы застрелили Гарда Льюиса? – Обратился детектив спокойным тоном к Брайнсу.

– Рядовой? Мистер Брайнс, вы слышите меня?

– Да, да чёрт вас побери я слышу, я слышу вас, а до этого так же четко я слышал его.

– Гарда Льюиса, вы говорите о нем?

– Да. Нет. То есть, черт бы вас побрал, о нем, о том, кем он вернулся. Я ещё точно не знаю, до конца пока не понял. Я слушал его целые сутки, вчера, в первый день его возвращения с этой горы. – Оди Брайнс внезапно вскочил с места. – Я, я слушал его, я внимал его речам

и знаете что Крэйн? Я понял. Я все понял. Я догадался чего он хочет. Это был другой Льюис, не тот что ушел в горы, изменившийся, в лучшую сторону своей природы как мне показалось. Вы вскоре убедитесь в этом детектив.

Оди Брайнс вплотную подошедший к прутьям решетки улыбнулся стоящему по другую сторону детективу Крэйну продемонстрировав ровные покрытые желтоватым налетом мелкие зубы.

– Знаете что детектив, – продолжая улыбаться спокойно заговорил Брайнс, – до того как попасть в войска я мечтал быть фокусником. Хотя бы ярмарочным. Именно на ярмарке меня и забрали, патруль, и я попал сюда. Я был бы хорошим фокусником, ведь у меня уже стало неплохо получаться. Жаль что сейчас нельзя вернуться на ту ярмарку.

Детектив Крэйн был предельно сосредоточен, но не уловил легкого движения в районе своего левого бедра. Констебль Гудвин был словно загипнотизирован. Оди Брайнс поднял вверх на свет керосиновой лампы револьвер и направил его в лицо Крэйну.

– Проклятье, – пробормотал детектив опустив голову вниз и краем глаза успев заметить за полой распахнутого плаща пустую кобуру закрепленную на поясе.

Отто Гудвин очнувшись начал что-то бормотать, выронил на пол сложенный зонт бывший до этого у него в руке и начал судорожными движениями расстёгивать плащ что бы добраться до табельного револьвера.

Оди Брайнс с силой втянул револьвер сквозь прутья решетки оцарапав края барабана. Пистолетный ствол смотрел прямо в глаза Стивену Крэйну.

– До встречи детектив, когда встретимся, я точно узнаю не врал ли мне новый Гард Льюис про другую жизнь, – со смехом в голосе произнес Оди Брайнс блеснув обезумившими глазами и растянув рот в корявой усмешке. Затем он молниеносным движением приставил ствол револьвера к своему ушедшему вверх кадыку.

Оглушительный выстрел заставил сержанта Майкла Невелса неожиданно вздрогнуть и выронить на пол кружку с горячим чаем. Этажом ниже на каменный пол рухнуло тело рядового Оди Брайнса обильно увлажняя красным высохшую солому.

– О Господи, – прошептал Отто Гудвин держась за рукоять своего оружие которое так и осталось в кобуре.

Спустя полтора часа детективу Крэйну после объяснений с капитаном Хаксли вернули его оружие. Отто Гудвин стоял у ворот форта Корнуон и наблюдал как оба коронера не прекращая обсуждать произошедшее укладывали в длинный автомобиль двое носилок задержанных белой, промокшей насквозь от проливного дождя тканью с красными пятнами. Под промокшими простынями виднелись очертания тел.

– Детектив, – окликнул констебль Гудвин садящегося в свою машину Стивена Крэйна, прочтите этот дневник как можно скорее, завтра я ожидаю вас в участке, ваши соображения по этому делу будет выслушивать сам начальник полиции округа, мистер Норингс.

Стивен Крэйн устало кивнул, хлопнул автомобильной дверцей, кинул на соседнее место красную тетрадь найденную в сундуке Гарда Льюиса и дав нагреться заведенному мотору поехал в свою квартиру.

Сильный дождь барабанил по лобовому стеклу автомобиля, включив фары Крэйн переключил скорость и чуть сильнее надавил на педаль. Бледные лучи солнца едва очерчивались за скопищем свинцовых облаков, заволакивающих немногочисленные светлые участки неба.

Глава 2

9 декабря 1901 года

Выживать в этом городе становится все труднее. Работы нет уже шестую неделю, припасы на исходе. Снег сыплет с небес уже третьи сутки. В моём подвале становится холоднее с каждым часом, дрова приходится экономить и использовать только в крайнем случае. За последние два дня хождения по этой небольшой комнате мне стало невыносимо сидеть без дела. Решил вести дневник, после первых строчек я могу хотя бы чувствовать кончики моих пальцев. Удивляюсь тому как чернила ещё не замерзли. Впрочем, они весьма качественные, я позаимствовал их этажом выше, у этой старой скряги миссис Бэтчет. Признаю, эту красную тетрадь, приспособленную мною под дневник – я взял у неё же, похоже сюда можно подшить ещё листы. Хотя я не уверен, что смогу исписать её всю. Мне не когда не хватало выдержки довести что-то глобальное до конца. Всё равно, сейчас мне не остается ничего делать кроме как вести этот дневник. Это пока что развлекает меня и дает пальцам согреться.

Удивительно насколько зима холодна в этом году. Похоже даже волки не спешат вылезать из своих нор что бы поковыть в небо. А может они все уже давно окоченели в своих лесных убежищах? Жаль, я достаточно голоден что бы решиться на безумство и пойти поохотится на них. Сейчас три часа дня, лес недалеко. Идея начинает мне нравится. Пожалуй, пора выбираться наружу.

Тот же день, поздний вечер.

Сегодня удача была на моей стороне, мне удалось достать немного волчьего мяса. Возможно меня будет грызть совесть, позже. Это будет позже. Сейчас я чувствую, как по моему телу разливается тепло, приятное тепло какое обычно приходит после чувства сытости. Как будто огонь, полыхающий в угловой печи подвальной комнаты стал гореть ярче. Он согревает меня... в комнате в которой я живу...

Наверное, я решусь вести дальше этот дневник, похоже это начинает мне нравится. Удивительно насколько связан желудок и мозг, теперь мысли начинают обретать какие-то полезные свойства, а не оседают тупой болью в желудке.

Итак, дневник, его нужно вести чётко, может не каждый день но все же... Стоит заносить сюда все, ведь в конце концов дневник не пойдет доносить на тебя в полицию. Правда нужно будет хранить его в надежном месте, а лучше всегда носить с собой.

Сегодня, девятого декабря, я взялся за этот дневник, это пожалуй приятное событие. Но есть ещё одно: мне наконец-то удалось поесть сегодня, причем сразу мяса. Да, да, я расскажу, как я его достал. В четыре пятнадцать дня я стоял около лесной опушки занесенной снегом. Я некоторое время был не в себе от ставшего навязчивым чувства голода, и я решил... решил пристрелить волка и съесть его. Волков много водится в этом густом лесу что лежит за городской чертой. У меня был пистолет, в последнее время из-за волнений в нашем городе я постоянно ношу его с собой, с помощью него я решил добыть себе еды в лесу. Это отдавало безумием, но к моменту охоты в пистолете уже не было патронов, я израсходовал все обороняясь на улице от мародеров. Углубившись в чащу в поисках добычи, я внезапно наткнулся на почти занесенные снегом следы. Это были следы человека. Недалеко от себя я заметил стоявшего на четвереньках мужчину, закутанного в толстую зимнюю одежду. Он постоянно наклонялся над чем-то. Через секунду мой мозг опалило осознание того что он что-то ест. Кровь вспыхнула во мне, затуманив мое сознание, выхватив пистолет я стал приближаться к нему со спины. Он не заметил меня даже когда я занес рукоять пистолета над его головой, в моих глазах наверняка отражалось безумство голодного разума в поле зрения которого попала добыча способ-

ная продлить его мирское существование. После третьего удара закутанная в толстую одежду фигура рухнула навзничь. В изнеможении от непомерных для моего физического состояния усилий я рухнул лицом вниз на растерзанную волчью тушу которую секунду назад обглаживал лежащий рядом со мной человек.

Прошла вечность прежде чем я смог, изнемогая от холода и накотившегося на меня страха встать на четвереньки. Не контролируя свое тело и измученный разум, я вцепился руками и зубами в волчью тушу, запорошенную снегом. Первые проглоченные куски придали мне сил. Насытившись я равнодушным и почти блаженным взглядом оглядел поверженного мужчину. Лицо его было закидано падающим снегом, шапка лежала рядом открыв моему взгляду заледеневшие от мороза рыжеватые с проседью волосы. Лицо показалось мне знакомым, кажется это был рыбак, которого я часто видел ещё ребенком, сидящим с удочкой на берегу местной реки. Бедняга начал коченеть и вряд ли ему могло что-то помочь. Я ощутил в своих чувствах лишь равнодушие что сладкой песнью лилось из моего набитого желудка оставляя разум прибывать в блаженном чувстве продолжения жизни. Отойдя от истерзанного волчьего трупа, я зацепил ногой какую-то деревяшку. Покопавшись в снегу, я поднял перед глазами винтовку из которой по-видимому лежащий неподалеку бедняга и застрелили волка. Перекинув винтовку через плечо, принялся обшаривать карманы трупа, к моему великому огорчению я нашел лишь семь винтовочных патронов. Похоже, большую часть запаса этот рыбак успел израсходовать. Заслоняя лицо руками от холодного северного ветра, я отправился домой в свой подвал, который снимал у старой миссис Бэтчет последние четыре года.

Придя домой я тут же сел за написание этих строк. Теперь у меня появилась надежда. Винтовка стоит в углу моей комнаты. Думаю, мне хватит имеющихся патронов на несколько вылазок. Я смогу охотиться на волков и другую живность, смогу добывать себе пищу, остается лишь уповать на удачу и глядеть в оба, не то и ко мне кто-нибудь подкрадется.

Чувство сытости постепенно проходит, за окном уже давно очень темно и пронзительные снежные вихри погребают под новыми слоями снега и без того невидимую глазу мостовую, которая раскинулась за моим окном. Глаза начинают слипаться, а перо выпадает из рук. Сегодня я наконец смогу уснуть сытым, приятная усталость ломит тело, а нахлынувшая на разум отупляющая безмятежность плотным маревом заволакивает воспоминания о рухнувшем навзничь рыбаке, которого я часто видел в детстве, сидящем у реки с удочкой в руках.

17 декабря 1901 года

За прошедшие восемь дней с момента нахождения винтовки я израсходовал все семь патронов. Мне удалось подстрелить только одного волка. Теперь мое существование снова омрачено угрозой голодной смерти, которая вновь начинает нависать надо мной. Мои дни состоят из пустого хождения по комнате, и я вновь заполняю этот дневник.

Как я уже писал ранее мне удалось добыть ещё немного волчьего мяса, это произошло тринадцатого декабря, удача была на моей стороне. В тот день я, как и обычно пошел в лес. До тринадцатого числа мои многочасовые скитания по лесу не приносили результатов. Но в тот день я скитался до самых сумерек и уже было отчаялся что-то поесть. За весь день мне не удалось найти даже следов, хотя снегопад прекратился около двух дней назад. Двинувшись уже в сторону города, я неожиданно столкнулся почти в упор со старым и исхудалым волком который шёл по моим следам, протоптанным несколько часов назад. Похоже этот волк давно ослабел. С виду он был старым и изможденным, наверняка его более проворные сородичи оставляли его частенько без добычи. На тот момент и я был в не лучшем положении, колени подкашивались от долгой ходьбы на пустой желудок. Вскинув оружие из последних сил, я прицелился в оскалившегося волка и надавил на курок. Сухой треск от выстрела, отдача едва не свалила меня с ног. Волк метнулся в сторону густой чащи. На ходу перезаряжая заледеневшее ружье я двинулся следом, периодически стреляя в перемещающуюся цель. Я так ослабел что

постоянно делал небольшие передышки во время преследования, все что меня подгоняло это страх упустить последнюю добычу. Лишь последний, седьмой выстрел, казалось достиг цели, но... пуля лишь разломила ветку возле волчьего уха. Сам старый волк будто бы провалился сквозь землю. Пробежав вперед я едва не сгинул под землю сам – убегая от меня, волк ухнул в неглубокую пропасть и остался лежать неподвижно на дне. Бросив прямо в снег бесполезное оружие, я начал спускаться по насыпи из снега не думаю о том, что обратно выбираться куда сложнее. Внизу я набросился на добычу вознося хвалу к небесам, пославшим мне еду. Отделив мясо от туши заранее приготовленным ножом, я проглотил несколько ещё теплых кусочков, не жуя и не чувствуя вкуса. Спазмы, прокатившиеся по внезапно наполнившемуся желудку, были довольно болезненны и продолжались до самого моего прихода домой с холщовой сумкой за плечом, куда я в состоянии эйфории вернулся, буквально вскарабкавшись по снегу наверх. На улице стояла темень и потому некто меня не заметил, а морозный ветер гулявший по дворовым аркам отогнал от меня запах свежего мяса, рассеяв его в холодной тишине. Городские фонари в связи с ещё не стихшими волнениями никто из муниципалитета зажигать не спешил, мне удалось проскользнуть домой незамеченным.

Добычу я сложил под кроватью где было холодно словно в поклаже со льдом. Кинув в печь остатки дров, состоявших по большей части из распиленной мебели я в изнеможении развалился на кровати и тот час же уснул.

Проснулся на следующий день. Четырнадцатое декабря началось с ледяной вьюги и скачущего вдоль горизонта снега, подсвеченного высоко стоящим в небе солнцем, которое не грело. Если не принимать во внимание шума от ветра, то я не слышал ничего кроме собственного медленно бьющегося сердца и хрипловатого дыхания. Мне казалось, что весь город ушел глубоко под снег, хотя за моим единственным окном все ещё угадывались торчащие из сугробов фонарные столбы.

Придя в себя после сна я первым делом проверил добычу под кроватью. Сумка с мясом была на месте, оно довольно сильно подмерзло, а поверхность сумки покрывали красные льдинки, подернутые инеем. Съев несколько кусочков мяса, предварительно подогрев их на едва полыхавшем огне я решил экономить оставшуюся провизию и не покидать своего жилища, опасаясь, что мясо кто-нибудь украдет. Так я просидел до сего дня, семнадцатого декабря. Мешок подвесил под самый потолок, боясь, что до него доберутся крысы пока я сплю. Напрасно – крыс в городе не было уже дней двадцать. Несколько дней я только лежал на кровати и переводил взгляд с мешка под потолком на эту красную тетрадь, мой дневник, что лежала вдалеке комнаты на полу, но не делал не каких записей. Эти дни прошли для меня в полусне, в них не было ничего кроме блаженного чувства усталости и сытого сна.

Сегодня, из этого состояния меня вывел факт того, что, подняв после еды сумку с пола, я обнаружил внутри лишь пустоту и призрачный запах крови. Немногочисленные запасы, которые я старался экономить – истощились. Я думаю, что потерял счет дням... мудреные механические часы с автоматическим заводом были наверху, в комнате миссис Бэтчет. Завтра я отправлюсь в комнату наверху.

18 декабря 1901 года

Старуха, миссис Бэтчет мертва. Мой счет дням, верен. Механические часы, принадлежащие клану Бэтчет ходят исправно, оживляют своим тиканьем, жужжанием и клацаньем пружин всю комнату, несмотря на то что их хозяйка мертва. Обыскал весь дом. Нашел неплохой пистолет и патроны, кусок зачерствелого хлеба и пару солдатских сухарей, их выдавали населению правительственные войска с месяц назад.

Похоже, отчасти я поспособствовал смерти старухи. Сегодня утром я залез на верх в её комнату. Вискарабкался по шаткой лестнице из своего полуподвала за который как мне всегда казалось она брала чересчур высокую цену. Намеревался заглянуть, прежде чем отправится

в город на поиски еды. И заглянул, подошел к единственной запертой комнате и барабанив кулаком в дверь громко звал миссис Бэтчет. Не дождавшись ответа из-за запертой двери я с силой толкнул дверь, хлипкий замок не выдержал и издав протяжный треск выпал и подкатился прямо к моим ногам. Старуха Бэтчет лежала на полу лицом вниз источая гнилостный запах витавший по холодной комнате пополам с запахом фиалковых духов. Рассматривая тело, я заметил, что перед смертью она скребла руками пол: возле головы было около десятка неглубоких борозд в гладком слое напольной краски. Брезгливо отодвинув припухшее и отяжелевшее тело старухи, я увидел в дощатом полу небольшую дыру, видимо на её месте должен был быть деревянный сучок. Заглянув в отверстие я с удивлением, сменившимся чувством ярости и затем мимолетно пробежавшей жалостью... увидел пол моей комнаты, возле печки лежал брошенный на пол холщовый мешок в котором я держал волчье мясо. Преодолевая отвращение, я перевернул тело на спину. Скривленные в предсмертной агонии рот и ввалившееся внутрь горло навели меня на мысль о скоропостижной смерти от удара.

Потом, около часа меня преследовало навязчивое ведение о том, как старуха Бэтчет умирая от накатившего на неё удара царапает ногтями пол, втягивает расширяющимися ноздрями воздух, наблюдая как я этажом ниже вытаскиваю из печи обгоревшее на открытом огне волчье мясо и словно дикое животное озираясь по сторонам глотаю, едва успев прожевать.

Уже после что бы успокоится я начал обыскивать дом, сверять время и дату по вечно тикающим сложным часам. Обойдя все, я вновь вернулся в комнату миссис Бэтчет, переступив через её труп и преодолевая отвращение стал переворачивать кровать. Из белья выпал толстый кошелек. Покидая комнату, убрал деньги подальше во внутренний карман. Я уверен, эти деньги смогут пригодиться мне в дальнейшем. Увидев труп, я ясно представил, что меня ждет та же участь и решил покинуть этот проклятый город. Уйти отсюда как можно скорее, а для этого мне потребуется запас провизии. Возможно не помешает взять с собой несколько человек и купить больше оружия и патронов к найденному пистолету. Отправляться одному в путь пытаюсь покинуть город, казалось мне обреченной на провал затеей, на улице ещё хватало затаившихся банд и мародеров.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.